

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

На правах рукописи

Самсонова Анастасия Александровна

**Ценностное содержание культурно-просветительского дискурса
(по материалам литературно-художественной критики в СМИ)**

Профиль магистратуры – «Журналистика и культура общества»

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Н. С. Цветова

Вх. № _____ от _____
Секретарь ГАК _____

Санкт-Петербург
2016

Оглавление

Введение.....	3
Г л а в а I. Культурно-просветительская журналистика: определение, особенности, ценностные смыслы.....	9
1.1 Культурно-просветительский журналистский дискурс.....	9
1.1.1 Дискурс: базовые подходы к определению понятия.....	9
1.1.2 Культурно-просветительский дискурс как медийный феномен.....	13
1.1.3 Культурно-просветительская миссия литературной критики.....	21
1.2 Аксиологическое содержание дискурса.....	36
Глава II. Средства выражения ценностного содержания журналистского текста.....	43
2.1 Концепты и аксиологемы.....	43
2.1.1 Концептосфера журналистского текста как научная проблема.....	43
2.1.2 Специфика презентации концептов в культурно-просветительском журналистском дискурсе.....	49
2.2 Лексико-синтаксические средства выражения оценки.....	64
2.2.1 Оценка в журналистской рецензии.....	64
2.2.2 Дискурсивная система оценочных средств.....	73
2.2.3 Индивидуально-авторские средства выражения оценки.....	76
Заключение.....	100
Список литературы.....	104

Введение

Актуальность работы. Культурно-просветительская деятельность является важным аспектом существования российской прессы с момента ее становления. Так, историк печати Б.И. Есин отмечает, что «в России в XVIII веке газеты активно выполняли культурно-просветительскую функцию, не столько в силу особого характера самой печати, сколько в силу состояния общества, аудитории того времени»¹. Не только многие газеты, но и журналы вели просветительскую работу. Среди такого типа изданий эпохи Просвещения выделялись «Ежемесячные сочинения пользе и увеселению служащие», «Всякая всячина», «Утренние часы» и др. Традиции сохранялись и развивались на протяжении столетий. В XIX в. в России появляется особый тип культурно-просветительской периодики – литературно-художественный журнал, одновременно выступавший как организатор литературного сообщества и критик общественных процессов и долгое время остававшийся ведущим типом российской прессы. В XX в. параллельно с традиционным «Литературной газетой», журналом «Вокруг света» выходят новые, например, ежемесячник для семейного чтения «Нива», журналы «Кругозор», «Юность» и др. Все перечисленные издания объединяет то, что тематика, жанровое своеобразие, стилистические особенности публикуемых в них текстов определялись их культурно-формирующей прагматикой.

Современную культурно-просветительскую журналистику от традиционной отличает ряд характеристик, среди которых исключительный динамизм, определенно выраженная антропоцентричность, совмещение просветительской, развлекательной и рекламной функций журналистики при очевидном доминировании двух последних. Однако прагматическая установка на формирование определенного культурного уровня массовой аудитории продолжает существование. По сути, культурно-просветительский журналистский дискурс, являясь одним из институтов культуры, и сейчас «участвует в пропаганде и распространении в обществе высоких культурных

---

¹ Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981. С. 15.

ценностей, воспитывает людей на образцах мировой культуры, тем самым способствуя всестороннему развитию человека»². Возникает вопрос: какие именно «высокие культурные ценности» распространяет журналистика?

В советские годы была предпринята попытка заложить в основание культуры твердую систему ценностей – «Моральный кодекс строителя коммунизма». Это «советские ценности»: коллективизм, идеализм, трудолюбие, бескорыстие и др. В постсоветский период с изменением государственной системы произошла и перемена ценностных установок. Появились новые движущие силы, определяющие развитие общества: рынок, частная собственность, демократия. Аудитория оказалась «выброшена» в информационное море, где долгое время лавировала, самостоятельно выстраивая собственную повестку дня. В настоящее время интерес к аксиологической проблематике восстанавливается. Это приводит к необходимости изучения ценностного содержания журналистики, в особенности культурно-просветительской, являющейся одним из основных институтов формирования культуры. Следовательно, в сложившихся обстоятельствах представляется актуальным исследовательский интерес к аксиологически значимым смыслам, транслируемым журналистикой.

Цель работы: систематизация речевых средств, используемых для трансляции ценностного содержания литературно-критических журналистских текстов, публикуемых в культурно-просветительском интернет-издании.

Для достижения цели представляется необходимым решение следующих задач:

- определение базового понятия «культурно-просветительский дискурс» и иных понятий, составляющих терминологическую базу исследования;
- выявление факторов, влияющих на ценностное содержание текстов, формирующих современный литературно-критический дискурс;

---

² Цветова Н. Культпросвет и / или культторг? // Петербургский публицист. URL: <http://spbspeaks.ru/2015/11/19/наталья-цветова-культпросвет-или-ку/> Дата обращения: 28.04.2016.

- систематизация средств, используемых сегодня для презентации концептосферы культурно-просветительской журналистики;
- описание специфики системы речевых средств, использующихся для выражения оценки в культурно-просветительских журналистских текстах;
- определение влияния ценностного содержания дискурса на речевой облик текста.

Объект исследования – культурно-просветительский журналистский дискурс, создаваемый литературно-критическими интернет-изданиями.

Предмет – речевое выражение ценностного содержания в литературно-критических текстах, направленных на формирование читательских предпочтений современной массовой аудитории.

Степень изученности проблемы и теоретическая база. Культурно-просветительский журналистский дискурс в настоящее время является предметом глубокого научного интереса. Этой темой занимаются О. В. Седельникова³, Л. Р. Дускаева⁴, Н. С. Цветова⁵. Также активно изучается вопрос ценностного содержания, в частности, такие его компоненты, как концепты (В. И. Карасик⁶, Д. С. Лихачев⁷, Ю. С. Степанов⁸) и оценка (Е. М. Вольф⁹, Н. Д. Арутюнова¹⁰).

Эмпирическая база исследования: журналистские произведения рубрики «Рецензия» интернет-журнала «Прочтение» за 2014 год, всего 93 публикации. Выбор эмпирической базы исследования объясняется тем обстоятельством, что рецензия призвана ориентировать адресата в

³ Седельникова О. В. К определению типа дискурсивной организации русской журнальной периодики середины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Язык и культура. 2012, №1. С. 36-42.

⁴ Дускаева Л. Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе // Вестник Пермского университета. 2014, № 4. С. 206-213.

⁵ Цветова Н.С. Дискурс искусства в современной российской журналистике // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2012, №1. С. 231-238.

⁶ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

⁷ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 280-287.

⁸ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.

⁹ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

¹⁰ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

информационно-культурном пространстве, нацелена на удовлетворение потребности читателя в актуальной информации оценочного характера.

Для данного исследования наиболее релевантным источником эмпирического материала представляется журнал «Прочтение». Издание выбрано для изучения в данной работе в связи с тем, что является качественным образцом литературно-критического периодического издания. В пользу этого тезиса говорят размер аудитории (30 000 уникальных посетителей каждый месяц)¹¹, победа во Всероссийском конкурсе проектов и идей по реализации Национальной программы поддержки и развития чтения в 2007 году. Журнал существует с 2006 г., в 2007-2009 гг. издавалась печатная версия, с 2006 г. – это онлайн-издание. Основное направление деятельности авторского коллектива – рецензирование литературных новинок, ключевой принцип – «проницательный анализ творчества писателей, детальное освещение событий и взвешенная оценка литературного процесса»¹².

Методы исследования: описательный, индуктивный методы, метод системного анализа. При исследовании эмпирического материала используются концептуальный анализ, лингвостилистический анализ текста, анализ лексико-семантических полей на предмет выявления концептов, модернизируется и апробируется традиционная методика выявления специфики проявления категории оценочности в тексте рецензии.

Научная **новизна** заключается в системном описании средств выражения ценностного содержания литературно-критических публикаций в СМИ, а также во введении в научный дискурс нового эмпирического материала, презентующего современную культурно-просветительскую журналистику.

Положения, выносимые на защиту:

1. Культурно-просветительский дискурс традиционно характеризуется следующими функциональными признаками: ориентированностью на формирование сознания гармонически развитой личности; наличием особого

---

¹¹ По данным сайта planeta.ru. URL: <http://planeta.ru/campaigns/9183>. Дата обращения: 10.05.2015.

¹² «Прочтение». URL: <http://prochtenie.ru/node/18346>. Дата обращения: 10.05.2015.

типа агента (автора публикации) и клиента (массовая аудитория), определенными жанровыми предпочтениями.

2. Современный культурно-просветительский дискурс включает культурно-просветительские СМИ и современные периодические арт-издания. Поскольку арт-журналистика носит преимущественно информационно-рекламный, а не аналитически-оценочный характер, при изучении аксиологического аспекта дискурса наиболее информативным представляется традиционная литературно-критическая периодика, в которой доминирует жанр рецензии.

3. Жанр рецензии обладает ярко выраженным аксиологическим потенциалом. В этом жанре ценностное содержание проявляется на экстралингвистическом уровне через выбор рецензируемого произведения, на текстовом – через систему средств, направленных на речевое выражение ценностных смыслов. Эти средства делятся на когнитивно-коммуникативные (концептосферу дискурса) и коммуникативные (речевые средства выражения оценки).

4. Концептосфера культурно-просветительского дискурса транслируется с помощью концептов, трансформирующихся в журналистском тексте под воздействием индивидуально-авторского осмысления в аксиологемы, и средств выражения концептуального содержания (метафор, повторов, приемов языковой игры и др.).

5. Средства выражения оценки в культурно-просветительском журналистском издании делятся на дискурсивные и индивидуально-авторские. Дискурсивные средства влияют на интенциональность текста и на аналитический аспект. Индивидуально-авторская специфика проявления категории оценочности связана с аксиологическим содержанием журналистского текста и с особенностями авторского (индивидуального) стиля.

Работа состоит из двух глав, введения и заключения. Каждая глава делится на два параграфа, в которые включены 2-3 раздела. Первая глава посвящена понятию «культурно-просветительский дискурс», в ней дается

определение понятий «дискурс», «культурно-просветительская журналистика», «литературная критика» и др. На основании аксиологического подхода к изучению журналистики предлагается методика анализа ценностного содержания дискурса. Во второй главе подробно исследуются концептосфера дискурса и речевые средства выражения оценки в журналистских текстах. Анализ эмпирического материала нацелен на выявление, описание системы речевых средств, используемых для выражения ценностного содержания текста.

Глава I. Культурно-просветительская журналистика: определение, особенности, ценностные смыслы

1.1 Культурно-просветительский журналистский дискурс

1.1.1 Дискурс: базовые подходы к определению

Понятие «дискурс» многогранно и современная гуманитарная наука предлагает несколько дефиниций для этого термина. По замечанию Ю. Е. Прохорова, «определение такой категории, как дискурс, уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на анализ языкового общения»¹³. Действительно, предлагая ту или иную дефиницию дискурса, каждый исследователь исходит из той функции, которую считает важнейшей. В результате определение дискурса приобретает концептуальность, и изучение совокупности существующих подходов может дать достаточно широкое и глубокое представление о явлении, которое соотносится с данным понятием.

Изучением дискурса занимаются многие науки: лингвистика, философия, социология. Дискурс является междисциплинарным понятием, существует множество подходов к его исследованию. Это способствует как уточнению понятия, получению новых знаний о нем, так и возникновению разночтений, разобщения исследовательских взглядов.

Термин «дискурс» (о фр. discours – речь, выступление) впервые был использован З. Харрисом в языкознании для обозначения языка и речи в целом и применялся для исследования принципов построения и функционирования текста¹⁴. По Степанову, зарубежными исследователями дискурс понимался как «данность текста»¹⁵, сами тексты, без какой-либо

---

¹³ Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. URL: http://royallib.com/read/prohorov_yuriy/deystvitelnost_tekst_diskurs.html#40960 Дата обращения: 18.03.2016.

¹⁴ Скворцова Т. Г. К определению понятия дискурс // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: материалы VI Общенаучной российской конференции. СПб, 2000. С. 37.

¹⁵ Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С.37.

стоящей за ними грамматической системы. Так, французский ученый П. Серио выделяет восемь подходов к описанию содержания термина «дискурс»:

- 1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание;
- 2) единица, по размерам превосходящая фразу;
- 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации;
- 4) беседа как основной тип высказывания;
- 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции;
- 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация;
- 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума;
- 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований производства текста¹⁶.

В отечественном языкознании понятие «дискурс» формировалось в связи с развитием идеи о существовании функционального стиля как особого типа текстов¹⁷. В рамках этого подхода сформировались два понимания термина. В широком смысле дискурс – это «коммуникативное событие, происходящее между собеседниками в определенном коммуникативном контексте»¹⁸. В узком смысле дискурс служит для анализа языковой стороны коммуникативных процессов. Данные подходы демонстрируют две точки зрения на дискурс: с формальной и с содержательной стороны. Формальная точка зрения связана с функциональным содержанием, которое определяет дискурс как «высказывание, манифестирующее единство функционально организованных, контекстуализированных единиц языка»¹⁹. Функциональный подход изучает взаимосвязь функций дискурса с социокультурными функциями языка, поэтому высказывание в дискурсе показывает стремление

¹⁶ Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 26-27.

¹⁷ Гурочкина А. Г. Понятие дискурса в современном языкознании // Номинация и дискурс. Под ред. Л. А. Манерко. Рязань, 1999. С. 12.

¹⁸ Скворцова Т. Г. Указ. соч. С. 373.

¹⁹ Гусейнова Т. С. Определение содержания дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2010, №13. С. 27.

продуцента воздействовать на реципиента через установление в речи отношений к нему²⁰.

Содержательный подход к дискурсу определяется когнитивным подходом к языку, т. е. опирается на концептуальные представления продуцента и реципиента. Концептуальный характер представлений о мире позволяет Ю. С. Степанову толковать дискурс как «язык в языке», представленный в виде особой социальной сущности. Дискурс с этой точки зрения существует главным образом в текстах, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, особый мир. Любой из дискурсов – это один из «возможных (альтернативных) миров», что является доказательством метафорического тезиса «Язык – дом бытия»²¹. Таким образом, совокупность формального и содержательного подходов к дискурсу определяют его когнитивную составляющую.

Восприятие дискурса определяется возможностью понимания текста и его соответствующего воспроизведения, она строится на информации, которая обладает следующими свойствами:

- опирается на память, опыт индивида (как продуцента, так и реципиента);
- получена непосредственно в процессе коммуникации;
- является следствием осмысления фактов действительности.

Необходимым представляется рассмотрение публицистического дискурса. В его основе лежит публицистический текст, полемичный по своей природе, т. е. направленный на выражение индивидом своей точки зрения, противопоставленной существующей, по какому-либо общественно значимому вопросу, и адресованный другому индивиду. Следовательно, публицистический дискурс представляет собой непосредственно коммуникацию, так как имеет явно выраженных агентов и клиентов (автора текста и аудиторию). Публицистический дискурс всегда оперативен,

²⁰ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 316.

²¹ Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М., 1995. С 44-45.

актуален, может быть инициирован не только продуцентом (в тех случаях, когда аудитория сама создает запрос на журналистскую информацию). В текстах, существующих в рамках данного типа дискурса, позиция автора выражена непосредственно, в то время как, например, в художественных произведениях категория автора может выражаться не напрямую, а в научных работах автор намеренно обезличен.

Рассмотрев различные научные подходы, отметим, что в нашем понимании дискурс – это «живое, подвижное, подверженное уточнениям, корректировкам, рассчитанное на активизацию памяти, актуальное по содержанию, соответствующее настоящему времени текущее речевое произведение, в основе которого лежит текст»²².

В качестве базового мы принимаем описание понятия дискурса, предложенное В. Е. Чернявской, т. к. именно В. Е. Чернявской, на наш взгляд, удалось зафиксировать сложность интересующего нас явления: дискурс – это система текстов в совокупности с порождающими эти тексты экстралингвистическими факторами.

Также справедливым и значимым для анализируемых текстов мы считаем типологию дискурсов, предложенную В. Е. Чернявской на основании обобщения различных представлений о дискурсе, существующих в отечественном и зарубежном языкознании: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве», и 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов»²³.

1.1.2 Культурно-просветительский дискурс как медийный феномен

Культурно-просветительский дискурс выделяется О. В. Седельниковой в связи с выявлением специфики журнальной периодики середины XIX в. и определяется как освещающий одновременно развитие русской культурной

²² Гусейнова Т. С. Указ. соч. С.32.

²³ Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. СПб., 2001. С. 14.

мысли и просвещение русского общества и не совпадающий с традиционно выделяемыми научным, образовательным или информационным дискурсами²⁴. Автор называет следующие функциональные признаки, позволяющие выделить данный тип:

- участники культурно-просветительского дискурса: агент (автор публикации) и клиент (массовая аудитория);

- цели и ценностные ориентиры дискурса: основная цель – внедрение в общественное сознание современных знаний о человеке и мире и вследствие этого формирование сознания активного члена общества, представляющего собой гармонично развитую личность;

- жанры культурно-просветительского дискурса: программные, критические и проблемные статьи, обзоры, статьи информационно-просветительского характера, рецензии, заметки, информационные её сообщения и т.п., а также рассказ, очерк, повесть, роман, стихотворение, поэму, комедию, драму и другие художественные жанры.

Культурно-просветительский дискурс прошел различные стадии развития. Но литературная журналистика входит в его предметное поле с момента рождения.

Первый литературный журнал в России – «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова, 1759г. Над изданием работали литературные и театральные деятели, на страницах журнала публиковались отрывки из Горация, Вольтера и др. Принимавшие участие в издании «Трудолюбивой пчелы» преподаватели и выпускники Сухопутного шляхетского корпуса также стали выпускать собственный журнал «Праздное время, в пользу употребленное» (1759-1760гг.). Параллельно процесс издания литературных журналов начался при Московском университете: «Полезное увеселение» (1760-1762гг.), «Доброе намерение» (1764г.) и др.

В 1770 – 1780-х гг. количество журналов, развивающих у читателей литературный вкус и интерес к словесности, значительно выросло. Это

---

²⁴ Седельникова О. В. К определению типа дискурсивной организации русской журнальной периодики середины XIXв. // Вестник Томского государственного университета. Язык и культура. 2012, №1. С. 37.

«Вечера» М. М. Хераскова (1772г.), «Утренние часы» И. Г. Рахманинова (1788-1789гг.), «Собеседник любителей русского слова», Е. Р. Дашкова (1783-1784гг.) и др. Несмотря на то, что их издатели придерживались разных идеологических взглядов, на страницы журналов неизменно попадали литературные произведения различных жанров. Тогда же литературные журналы стали появляться в провинции: «Уединенный пошехонец» в Ярославле (1786-1787гг.), «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» в Тобольске (1789-1791гг.) и др.

Ключевым моментом для культурно-просветительского дискурса является появление литературных и театральных рецензий в «Московском журнале» (1791-1792гг.) Н. М. Карамзина.

В XIX в. отделы рецензий становятся неотъемлемой частью практически каждого литературного журнала. Вообще в 1800-х годах журналистика становится литературоцентричной. Выпускаются издания при литературных кружках – «Свиток муз» Вольного общества любителей словесности, «Чтения в Беседе любителей русского слова» и др. Важное место занимают альманахи – «Полярная звезда» К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева, «Северные цветы» А. А. Дельвига и О. М. Сомова. Во второй трети XIX в. появляются литературно-критические, т. н. «толстые журналы», например «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского (1834-1865гг.). Литературная журналистика оказывается сосредоточена в частном секторе, государство обозначает свое присутствие в культурно-просветительском дискурсе изданием «Журнал Министерства народного просвещения» (1834-1917гг.).

Литературные журналы становятся своего рода ориентирами для читателей, пытающихся разобраться в общественно-политических процессах. Просвещая, донося до аудитории собственные ценности, они в то же время стремятся увлечь ее своими политическими взглядами. Такими изданиями были «Современник» А. С. Пушкина, после его смерти перешедшего к редактору П. А. Плетневу, а с 1847г. до 1866г. возглавляемого

Н. А. Некрасовым, в период редакторства которого журнал стал центром революционной критики и публицистики. «Вестник Европы», существовавший в 1802-1830 гг., был возрожден в 1866 г. М. М. Стасюлевичем как умеренно-либеральное издание, и т. д. Вплоть до XX в. «толстые» литературные журналы являются одним из оплотов культурно-просветительского дискурса.

После революции 1917г. журналистика, в т. ч. литературная, претерпела значительные изменения. Вплоть до 1990-х гг. правящая партия устанавливает контроль за литературой и журналистикой. Деятельность издателей происходит с одобрения власти и иницируется ею. Первыми советскими культурно-просветительскими изданиями, создаваемыми по аналогии с «толстыми» журналами, стали «Красная новь» (1921-1942 гг.), выпускаемый с 1922 г. по настоящее время журнал «Молодая гвардия», с 1925 г. по настоящее время – «Новый мир». Существовавшие в 1920-х гг. литературные объединения также имели свои издания: «На литературном посту» сторонников «пролетарского искусства», «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ» футуристов и др.

Новая стадия в развитии литературной журналистики начинается с приходом т. н. «оттепели». В это время начинают выходить журналы «Юность» (1955 г.), «Нева» (1955 г.), развивается литературное направление в региональных журналах: «Дон» (1957 г.), «Урал» (1958 г.), Волга (1966 г.) и др.

Эпоха перестройки – 1985-начало 1990-х гг. – привела к возрождению интереса к литературным «толстым» журналам, освещающим через призму своей идеологии общественно-политические проблемы и печатающим литературу, бывшую ранее недоступной советской аудитории.

Новейшее время, берущее начало в 1990-х гг., отмечается в развитии культурно-просветительского дискурса возможностью перехода инициативы от государства к частным лицам. Новая система СМИ оказало свое влияние на данный тип дискурса, что будет рассмотрено нами после обращения к другим элементам дискурса.

Помимо литературной журналистики, в совокупность текстов, составляющих основу культурно-просветительского дискурса, входит журналистика, посвященная другим видам искусства. Так, первым образцом музыкальной журналистики в России был альманах «Карманная книга для любителей музыки» И. Д. Герстенберга (1795 г.). Это издание включало в себя не только ноты, но и музыкальную хронику, статьи, музыкальный словарь. Первое периодическое издание, посвященное музыкальной тематике, появилось спустя значительный промежуток времени: в 1840 г. выходит нотный журнал «Нувеллист» М. И. Бернарда (издание просуществовало до 1906 г.), в котором печатались М. И. Глинка, П. И. Чайковский, Ф. Шопен и др. С 1844 г. «Нувеллист» выпускает «Литературные прибавления», приложение, которое представляет собой первый русский музыкальный журнал общего типа.

Некоторые издания были посвящены одновременно нескольким видам искусства. Это, к примеру, журнал «Артист» (1889-1895 гг.), в котором театр рассматривался как синтез искусств, и поэтому в одном издании помещались современная беллетристика и пьесы, нотные тетради, иллюстрации. Это издание являлось своего рода прообразом «Мира искусства» С. П. Дягилева (1898-1904 гг.). Другие издания, принадлежащие к данному типу – «Журнал изящных искусств» В. И. Григоровича (1823–1825 гг.), «Художественная газета» Н. В. Кукольника (1836–1841 гг.) и др. – были посвящены искусствоведческим знаниям.

Тема театра также освещается русской журналистикой конца XIX в. К одним из первых изданий, посвященных театральному искусству, относится журнал И. А. Крылова «Зритель» (1792 г.). Театральная составляющая культурно-просветительского дискурса достаточно разнообразна. Это альманах «Русская Талия, подарок любителям и любительницам 61 отечественного театра на 1825 год» Ф. Булгарина, газета «Антракт» (1864-1868 гг.), печатавшаяся на оборотных сторонах театральных афиш, журнал «Театр и искусство» А. Р. Кугеля, включающий в себя театральные

фельетоны и критику, государственный «Ежегодник императорских театров» (1892-1915 гг.). Сюда же входят театральные афиши, преобразованные в 1863 г. в формат маленьких книжек – программ, используемые и сейчас.

Культурно-просветительский дискурс, возникший на заре зарождения журналистики как важнейшего социального института, формировался в России на протяжении длительного периода времени. Складывались традиции, характерные для российского общества, под воздействием общественно-политических факторов определялись специфические черты, присущие, например, дискурсу первой трети XIX в. или эпохе перестройки.

Переходя к разговору о современном культурно-просветительском дискурсе, отметим, что Н. С. Цветова определяет в российском медиапространстве два дискурса, освещающих культуру и искусство. Первый из них развивается в русле русской журналистской традиции, тогда как второй эволюционирует под влиянием европейского опыта²⁵. Как отмечает исследователь, гиперинтенция СМИ, принадлежащих к первой группе, связана с наследованием национальной просветительской традиции, заложенной в восемнадцатом веке, т. е. в необходимости создания особого культурного пространства, которое способствовало бы развитию творческих задатков читателя, расширению эмоционального опыта человека, его духовного развития. Во втором типе дискурса доминирует, напротив, побудительно-осведомительная интенциональность, ставящая прежде всего информационно-пропагандистские задачи. Под пропагандой здесь понимается продвижение образа жизни и ценностей, при котором эстетический критерий отходит на второй план. Автор называет это «арт-журналистикой» — журналистикой, занимающейся сбором информации о событиях, темах и тенденциях в развитии современного искусства, его формах и жанрах с целью стимулирования потребительского интереса к данным объектам, как имеющим определенную материальную ценность или

25

Цветова Н. Культпросвет и / или культторг? URL: <http://spbspeaks.ru/2015/11/19/наталья-цветова-культпросвет-или-ку/> Дата обращения: 28.04.2016.

способным провоцировать релаксационное состояние. Таким образом, разграничение арт-журналистики и культурно-просветительского дискурса становится принципиально важным для данного исследования.

Арт-журналистика – «регулярный сбор и компетентная интерпретация информации о событиях, темах и тенденциях прежде всего современного или актуального искусства с использованием всего разнообразия речевых жанров с целью воздействия на общественную и индивидуальную аксиологию и формирования потребительской активности массовой аудитории»²⁶. Ключевое отличие арт-журналистики от журналистики культурно-просветительской состоит во включении в ее поле наравне с качественными публицистическими материалами, в том числе текстами корпоративных изданий институтов культуры, рекламной и пиар-информации. Сверхзадачей арт-журналистики, как отмечают исследователи, является продвижение товара, предмета искусства²⁷, что, на наш взгляд, не является фактором, в достаточной мере влияющим на формирование ценностного содержания культурно-просветительского дискурса, в отличие от культурно-просветительской журналистики.

Культурно-просветительская функция – одна из важнейших характеристик журналистской деятельности. Обращение к вопросам культуры имеет не меньшее значение, чем решение социальных, политических, экономических проблем, так как эти сферы существования общества находятся в тесной связи.

Как отмечает М. А. Воскресенская, «культурно-просветительская деятельность — это возделывание души и ума, содействие духовному обогащению человека и общества, выявление и актуализация ценностных смыслов человеческого существования. Журналистика в силу своей специфики участвует как в непосредственной организации этих процессов,

²⁶ Сидякина А. Художественно-просветительские периодические издания / Журналистика сферы досуга. Уч. пособие. Под общей редакцией Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб, 2012. С.123.

²⁷ Цветова Н. С. Современная российская арт-журналистика: интенционально-стилистическая характеристика. // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи: монография; под ред. Л. Н. Михеевой. Иваново, 2014.

так и в их информационном освещении. Ее культурно-просветительская функция включает в себя эстетическое, интеллектуальное, нравственное воспитание аудитории и отдельной личности, что предполагает не только отражение, но во многом и направление культурного процесса, т. е. осуществление журналистикой культуроформирующей деятельности»²⁸.

По мнению Е. П. Прохорова, культурно-просветительская функция журналистики состоит в том, «чтобы, будучи одним из институтов культуры общества, участвовать в пропаганде и распространении в обществе высоких культурных ценностей, воспитывать людей на образцах общемировой культуры. Тем самым способствовать всестороннему развитию человека»²⁹. Однако, культурно-просветительская функция журналистики не является исключительно процессом рецензирования и анонсирования культурных событий. Как отмечает С. Г. Корконосенко, она «заключается в том, чтобы развивать аудиторию, помогать ей осмысливать крупномасштабные явления и проблемы, давать необходимый для этого материал»³⁰.

Ю. М. Коняева так выявляет место функционального вида культурно-просветительской журналистики в типологии СМИ: тексты журналистики досуга делятся на просветительские (научно-популярные и культурно-просветительские), потребительские и развлекательно-релаксационные³¹.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в рамках журналистской деятельности сложился такой ее вид, который направлен на адаптацию важнейших компонентов культурного поля общественной жизни. Именно культурный слой общества образует предметную область культурно-просветительской журналистики. Исходя из вышесказанного, а также из положения Г. В. Лазутиной и С. С. Распоповой о предопределении функциональной предназначенности данного вида журналистского творчества «потребностью общества ориентироваться не только в

²⁸ Воскресенская М. А. Просветительство и расширение кругозора // Журналистика сферы досуга. Под ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. СПб, 2012. С. 79.

²⁹ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М., 2003. С. 72.

³⁰ Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М, 2009. С. 214.

³¹ Коняева Ю. М. Работа журналиста над текстом периодического издания // Журналистика сферы досуга. Под ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. СПб, 2012. С. 162.

происходящих событиях, но и в продуктах человеческого труда, рассчитанных на многократное использование»³², приходим к следующему определению культурно-просветительской журналистики: это тип журналистики досуга, нацеленный на ориентирование общества в духовных богатствах, накопленных культурным слоем, и передачу оперативного знания о его приросте и возможностях применения.

Важнейшим образцом культурно-просветительской журналистики является литературная критика. Это обусловлено, во-первых, ее предметом – литература является деятельностью по созданию ценностей и включению их в собственный опыт читателя, во-вторых, стремлением критики дать оценку факту реальности, то есть поместить его в ценностное поле дискурса.

1.1.3 Культурно-просветительская миссия литературной критики

Приступая к разговору о литературно-художественной критике, необходимо отделить понятия «литературная критика», «теория литературы», «литературоведение» и «история литературы».

В научном сообществе можно выделить два основных определения литературоведения, обозначим их как «обобщенное» и «распространенное». Обобщенное определение: литературоведение – наука о литературе. В. М. Жирмунский говорит о литературоведении как о самостоятельной научной дисциплине, занимающейся изучением литературных произведений, сравнительно недавно вышедшей из филологии³³. Однако, такое толкование создает только общее представление о понятии. Распространенное определение уточняет: «литературоведение – наука о художественной литературе, ее происхождении, сущности и развитии. Современное литературоведение представляет собой очень сложную и подвижную систему дисциплин. Различают три главные отрасли литературоведения: теория литературы, история литературы и литературная критика»³⁴. Еще шире понятие «литературоведение» раскрывает В. Е. Хализев: литературоведение

³² Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. М., 2012. С. 213.

³³ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. СПб, 2006. С. 22.

состоит из двух групп дисциплин: базовых (библиография, источниковедение, текстология) и надстроечных (история литературы и теория литературы)³⁵. По Хализеву, история литературы – «крайне широкая область конкретных исследований историко-литературных фактов и связей между ними, составляющая центр науки о литературе и, можно сказать, ее увенчивающая», а теория литературы – дисциплина, изучающая общие закономерности литературных процессов, прежде всего, творчества писателей³⁶.

По мнению некоторых исследователей, критика разграничивается с историей литературы как компонентом литературоведения по временному признаку. Считается, что предмет интереса критики – текущая литература, современный литературный процесс, тогда как история литературы изучает значительно большие периоды времени, те произведения, которые приобретают статус классики³⁷. В то же время, Г. Н. Пospelов полагает, что «современное прочтение» литературных произведений также является предметом литературной критики. Сфера критики, по его мнению, процесс становления литературы³⁸.

Обобщив оба подхода, можно сказать, что в компетенцию литературной критики входят современные произведения и ранее написанные художественные тексты в аспекте современности. Соответственно, разделение по временному признаку не является единственным критерием, специфика критики определяется не только предметом познания, но и формой, характером оценки литературных произведений. Процесс критического осмысления литературы направлен и на писателя, и на читателя, что позволяет относить критику и к процессу самопознания литературы, и к процессу самопознания общества. Этим обуславливается

³⁴ Большая советская энциклопедия. URL: <https://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=bse&title=Литературоведение>. Дата обращения: 10.01.2015.

³⁵ Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999. С. 5.

³⁶ Хализев В. Е. Указ. соч. С. 5-6.

³⁷ Литературная критика. Ее предмет и задачи. Под ред. Н. В. Володиной. Череповец, 1997г. URL: <http://www.rl-critic.ru/kurs/posobiye.html>. Дата обращения: 10.01.2015

³⁸ Введение в литературоведение. Под ред. Г. Н. Пospelова. М., 1988. С. 30.

следующее определение: «Критика – вид литературного творчества, оценка и истолкование художественного произведения, а также явлений жизни, в нем отраженных»³⁹. Кроме того, в критике выделяется и аналитическая составляющая, аргументированный анализ произведения. Критика в широком смысле слова представляет двуединство аналитического и оценочного взглядов на произведение. Это обуславливает двойственность подхода к ее изучению: с одной стороны, литературная критика – это область познания, близкая науке (истории литературы), с другой – эта область близка художественному творчеству⁴⁰. По замечанию Р. Барта, критика занимает «промежуточное положение между наукой и чтением»⁴¹. Однако, как утверждает В. Е. Хализев, литературная критика неоднозначно соотносится с наукой о литературе ввиду существования критики-эссеистики, не претендующей на аналитичность и доказательность, а представляющей скорее опыты субъективного переживания литературы⁴². В отечественной традиции литературоведения принято следующее определение понятия литературная критика – это «род литературно-творческой и литературно-коммуникативной деятельности, направленной на понимание и оценку по преимуществу современных словесно-художественных произведений»⁴³. Это определение сочетает диалогизм наука-творчество и указывает, что критика – это не только метод поиска слабых сторон, но в первую очередь подспорье в понимании текста и его места в литературе. В то же время, литературно-художественная критика помогает не только понять и оценить произведение, она также способствует его успеху, утверждает или разрушает литературные авторитеты, выявляет или предугадывает особые литературные тенденции. Отметим, что слово «современные» как определение не ставит временных рамок, за которыми заканчивается литературная критика. Оно подразумевает,

³⁹ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 169.

⁴⁰ Литературная критика. Ее предмет и задачи. Под ред. Н. В. Володиной.

⁴¹ Барт Р. Критика и истина // Барт Р. Избранные работы. М., 1989. С. 361.

⁴² Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999. С.82.

⁴³ История русской литературной критики. Под ред. В. В. Прозорова. М., 2002. С.7.

что произведение, когда бы оно не было издано, остается значимым для читателей и скорее употребляется в значении «актуальные» (приведем в пример Р. Жирара и его сборник эссе «Критика из подполья», выпущенный в 2012 году. Авторы, чьи произведения рассматривает Жирар – Достоевский, Гюго, Камю – давно закончили земной путь, однако их произведения по-прежнему популярны и упомянутые эссе без сомнения относятся к литературно-художественной критике).

Как отмечает В. В. Прозоров, особенность русской литературной критики заключается в том, что «литературно-критические высказывания в своём несомненном большинстве обращены к широчайшему спектру жгуче злободневных социально-нравственных вопросов, к живым потребностям общественного организма»⁴⁴. Критика – процесс самопознания не только литературы, но и общества. Критическая статья рассматривает, как правило, не только само произведение как результат творчества писателя, но и ту социокультурную ситуацию, с которой оно связано. Это позволяет нам говорить о литературно-художественной критике в контексте журналистики, выделять ее публицистичность. В качестве примера приведем два высказывания. Первое – В. В. Розанов о Н. А. Добролюбове: «Невозможно было придать литературе более жизненное значение, пробудить к ней более глубокий интерес, так слить ее с душой исторически развивающегося общества, чем как это сделал подобный взгляд на ее сущность и на задачи критики. Именно под его влиянием литература приобрела в нашей жизни такое колоссальное значение»⁴⁵.

Второе – литературный критик А. Латынина об общественно-политическом значении критики: «Бывают эпохи – чаще всего переходные, – когда критика берет на себя дополнительные функции, превращаясь в некий

⁴⁴ История русской литературной критики. Под ред. В. В. Прозорова. М., 2002. С.9.

⁴⁵ Розанов В. В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 179.

полигон, на котором идет пристрелка идей, формирование направлений общественной мысли»⁴⁶.

Исходя из сказанного, можно предположить, что в настоящее время существует потребность в качественной критике, отражающей различные мнения, провоцирующей читательский, общественно значимый диалог.

Для выявления назначения литературно-художественной критики представляется необходимым выявить ее функции. Как было отмечено в определении литературной критики, ее назначение - помочь читателю понять и оценить текст. Из этого можно вывести две основные функции критики: аналитическую, направленную на интерпретацию произведения и оценочную, формирующую заключение о состоянии произведения, его значении и ценности на основе проведенного анализа. Кроме того, литературно-художественная критика выполняет роль посредника между автором и читателем, что позволяет говорить о еще одной ее функции, которую А. Н. Талыбова называет коммуникативной⁴⁷.

Иной взгляд на функции литературной критики предлагают западные ученые. Американский историк литературы Уистен Оден говорит о том, что критик должен оказать читателю следующие «услуги»: познакомить с книгой или автором; убедить в том, что читатель недооценивал автора или книгу, поскольку был недостаточно с ними ознакомлен; показать взаимосвязь между данной книгой и произведениями других времен и культур; предложить свое прочтение произведения; осветить некоторые стороны «художественного мастерства»; рассмотреть отношение искусства к жизни, науке, экономике, этике, религии и т. п.⁴⁸. В отличие от российской традиции, общественному значению произведения отводится незначительная роль.

Следует отметить, что и в современной американской литературной критике «собственное прочтение» доминирует над «общественным»:

⁴⁶ Латынина А. Колокольный звон – не молитва // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1989. №2. С. 206.

⁴⁷ Талыбова А. Н. Литературная критика как средство продвижения художественной культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Севастополь. 2014, №3. С. 450.

⁴⁸ Уистен Оден. Чтение. Письмо. Эссе о литературе. М., 1998. С. 33-36.

«Какими конкретными способами мы можем получить выгоду из изучения теории критики? Теория может помочь нам научиться видеть себя и наш мир по-новому, так что это повлияет на то, как мы воспитываем наших детей, как родители или учителя; как мы смотрим телевизор, от вечерних новостей до комедий; как мы поступаем в роли избирателя или потребителя; как мы реагируем на тех, с кем не согласны по социальным, религиозным или политическим вопросам; и как мы распознаем и обращаемся с нашими мотивами, страхами и желаниями. <...> Теория критики предоставляет превосходный инструментарий для этих изменений, инструментарий который не только может показать нам наш мир и нас самих через новую призму, но также может развить нашу способность думать логически, креативно и с большей долей понимания»⁴⁹.

Ю. Б. Боров выделяет следующие функции критики:

- 1) критика воздействует на восприятие мира художником, склоняясь к постановке острых социально-политических и философских проблем;
- 2) критика формирует самоконтроль творческой личности художника;
- 3) критика влияет на творческий процесс создания художником произведения, включая в себя некоторые проблемы психологии творчества и художественного мастерства;
- 4) критика формирует поле общественного мнения вокруг художественного произведения, что способствует его социальному функционированию;
- 5) критика формирует процесс восприятия произведения читателем;
- 6) критика воздействует на всю аудиторию искусства, формируя ее художественные вкусы и социальные ориентации;
- 7) критика формирует последующую активность читателя и характер его воздействия на действительность под влиянием художественного впечатления;
- 8) критика воздействует на действительность, давая ее опосредованный произведением и непосредственный анализ и оценку⁵⁰.

⁴⁹ Lois Tyson. *Critical theory today*. NY, 2006. P. 2-3.

⁵⁰ Боров Ю. Б. *Эстетика*. М., 2002. С. 459-460.

Проанализировав описанные выше функции, свойственные литературной критике, мы приходим к выводу, что в российской традиции критика — один из способов понимания, оценки произведений, который участвует в процессе анализа не только художественного, но и социального опыта.

Русскую литературную критику рассматривают в диахроническом аспекте, в развитии исторических парадигм критики⁵¹. Удобный с методической точки зрения, этот подход уравнивает различные парадигмы. Другой аспект рассмотрения критики — эстетический. Он соотносит ее дискурс с конкретным литературным направлением (классицистическая, сентиментальная, романтическая, реалистическая критика)⁵². Наконец, возможен третий («персоналистский») подход, который определяется известным высказыванием С. Чуприна «критика — это критики». Тогда критика определяется исключительно автором и соотносится только с его личным внутренним миром, например «Нормативно-жанровая критика М. В. Ломоносова», «Конкретно-эстетическая критика В. Г. Белинского», и т. п.⁵³. Разница между этими подходами лежит в различии субъектов дискурса литературной критики. Диахронический подход предполагает индивидуального субъекта как часть группового. Взгляд на критику с позиций эстетики и истории литературы рассматривает только групповой субъект. Персоналистский подход основывается на исключительно индивидуальном субъекте. Таким образом, выходит, что субъектные позиции рассмотрены в значительно большей степени, нежели коммуникационные свойства критики. В то время как, по утверждению С. М. Шакирова, именно подход к критике как к способу коммуникации может быть положен в основу теории литературной критики⁵⁴. Исследователь утверждает, «критика как

---

⁵¹ История русской литературной критики. Под ред. В. В. Прозорова. М., 2002. С.18.

⁵² Егоров Б. Ф. Мастерство литературной критики. URL: <http://www.r1-critic.ru/histeo/egorov1.html>. Дата обращения: 11.01.2015.

⁵³ Недзвецкий В. А. Русская литературная критика XVIII–XIX вв. М., 2008. С. 3-4.

⁵⁴ Шакиров С. М. Трансформации дискурса литературной критики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013, №2. С. 163.

форма коммуникации в процессе своего исторического развития сформировала две формы дискурса. Русский литературоцентризм стал основой для формирования утопического дискурса литературной критики. Изменение идеологии, условий функционирования словесности в обществе, трансформация способов литературной коммуникации привели к формированию дистопического дискурса критики»⁵⁵. Критика периода перехода от утопического дискурса к дистопическому (XIX в.) стремилась одновременно решить общенациональные задачи нормализации литературного языка, национального самоопределения литературы и подняться выше самой литературы, использовать ее исключительно в качестве источника общественных идей. И. Кондаков говорит о зародившемся во второй половине XIX в. «критикоцентризме»⁵⁶. Критика выступила своего рода соперницей литературы. На стороне критики оказалась журналистика, что позволяло ей затрагивать любые темы, а в начале XX века в борьбу с литературой вступили изобразительное и музыкальное искусство. Литература становится вынуждена развиваться с оглядкой на эстетический опыт других искусств. В этом и заключается значение дистопического дискурса – это эстетический модус, равно отрицающий утопию и антиутопию. «Дистопические сюжеты в литературе становятся распространенными в эпохи, когда в обществе утверждается мысль, что существующая ситуация утвердилась надолго и имеет явную тенденцию лишь ухудшаться в будущем, а людей не покидает ощущение отчуждения от участия в истории»⁵⁷.

Однако, начиная с 1960-х гг. в связи с активным развитием аудио- и аудиовизуальных СМИ чтение отходит на второй план, «тексты классических статей критиков трансформируются в пособия по написанию школьных

---

⁵⁵ Шакиров С. М. Указ. соч. С. 162.

⁵⁶ Кондаков, И. По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России XX–XXI вв.) // Вопросы литературы. 2008, № 5. С. 25.

⁵⁷ Чанцев А. Фабрика антиутопий: дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16-pr.html>. Дата обращения: 12.01.2015.

сочинений»⁵⁸. Критика уступает, и к 1990-му году литература возвращает свои позиции. В 1990-е в литературе произошли многие изменения: развлекательная литература потеснила эстетическую, укрепилась в своем положении беллетристика, литература преодолела противоречие между «массовым» и «элитарным». И если критика во многих из этих явлений видела провал, профанацию, то литературе удалось найти новые точки опоры. Все это привело к возникновению нового литературно-критического дискурса, в котором против литературы выступает не бескультурье, а прагматизм. Современная литературно-художественная критика учится выходить из кризиса с помощью новых решений, новых форм коммуникаций, новых технологий, важнейшее место среди которых занимает интернет.

Рассмотрим, как интернет повлиял на коммуникацию писатель-критик-читатель. А. А. Тишков выделяет две группы факторов, влияющих на эту коммуникацию: внешние и внутренние⁵⁹. К внешним факторам он относит непрерывно растущую скорость обмена информацией и беспрепятственный доступ к ней, обеспечиваемый интернетом. Эти факторы в совокупности с назначением интернета как площадки для выражения собственного мнения приводят в стремительно растущему числу читательской («любительской») критики. Кроме того, интернет сокращает дистанцию между писателем, читателем и критиком, более того, они обмениваются функциями: «каждый человек может попытаться стать тем, кем ему хочется быть: читатель при желании может взяться за перо, а писатель – за книгу другого автора <...> В Интернете такой взаимообмен функциями постоянно усиливается»⁶⁰. К внутренним факторам А. А. Тишков относит уникальные особенности каждого из субъектов коммуникации. Так, читатель, привыкший быть в интернете в центре внимания, берет на себя право судить признанные обществом произведения, и многое зависит от того, насколько уместно и

---

⁵⁸ Шакиров С. М. Указ. соч. С. 166.

⁵⁹ Тишков А. А. Писатель – читатель – критик в интернете // Известия Саратовского университета. 2012, №12. С. 100.

⁶⁰ Тишков А. А. Указ. соч. С. 101.

аргументированно он воплощает это право в жизнь. Кроме того, с помощью косвенных методов оценки – рейтингов, «лайков», комментариев – читатель оказывает влияние на процесс творчества. По мнению А. А. Тишкова, «смятение и растерянность перед обилием новых возможностей, которые принёс Интернет, современная литература уже пережила и деконструкция образа автора приостановилась»⁶¹. Можно говорить о том, что читатель каждым откликом и комментарием проявляет себя как критик. «Сетевая критика – это вся литературная критика, которую можно найти в Сети»⁶². Некоторые исследователи видят в такой ситуации кризис профессиональной критики. Т. Петрова в статье «Критика-лайт» пишет: «Привнесение слишком личного считается в критике показателем непрофессионализма, и в своих оценках и суждениях критик старается этого избегать. Но, отходя от личного, критик отходит слишком далеко. В результате гаснет импульс изначальной реакции на книгу, теряется живой нерв непосредственного впечатления, а вместе с этим – и связь с читателем»⁶³. Таким образом, одна из важнейших черт критики в интернете – личностный характер общения.

На первый взгляд, при обилии читательской критики профессиональная критика имеет все шансы исчезнуть из литературного процесса. И. Джен считает, что «в Интернете интерес к литературе проявляется одновременно в осуществлении двух функций: автора и читателя»⁶⁴. Она уточняет, что главная задача критика заключается в формировании способов и путей взаимодействия читателя и писателя.

Идеи о кризисе профессиональной критики высказываются уже довольно давно. С появлением интернета посягательства на существование критики усилились. Однако критика никуда не делась, напротив, как утверждает А. А. Тишков, объём критических произведений вырос,

⁶¹ Тишков А. А. Указ. соч. С. 103.

⁶² Е. Ермолин. Критик в Сети // Русский журнал. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/3/erm.html>. Дата обращения: 12.01.2015.

⁶³ Петрова Т. Критика-лайт // Октябрь. 2011, № 1. С. 159.

⁶⁴ Джен И. Литературная интернет-революция. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/189511p2.html>. Дата обращения: 13.01.2015.

«изменилось соотношение – в общей массе литературно-критических текстов в последние годы уменьшилось количество публикаций, решающих чисто коммерческие и политические задачи, при этом значительно выросло количество читательских откликов»⁶⁵. Это объясняется тем, что читатель, любитель, в отличие от критика, не стремится проверить каждый факт и вычистить каждую стилистическую неточность, относится к критическому отзыву исключительно как к выражению собственного мнения. По этой причине на просторах интернета читательская критика превалирует над профессиональной.

Отмеченные особенности сетевой критики характеризуют, в основном, интернет-порталы (например, сайты livelib.ru, bookz.ru и др.) На таких ресурсах пользователь одновременно является потребителем и производителем критических текстов. Это приводит к трансформации жанра рецензии в отзыв, цель которого – высказать собственное мнение о произведении, что может вести к нехватке и даже отсутствию аналитической составляющей критического произведения. Такой формат массовой коммуникации естественным образом является частью культурно-просветительского дискурса, но не относится к литературной критике в ее традиционном понимании. Институтом, актуализирующим функции культурно-просветительской журналистики, являются СМИ, т. е. периодические издания, зарегистрированные и в отличие от ресурсов, порталов и социальных сетей, имеющих лицензию, права и обязанности в отношении формирования мнения читательской аудитории. К таким изданиям относится анализируемый в данной работе онлайн-журнал «Прочтение», являющийся зарегистрированным СМИ. В нем работает коллектив профессиональных литераторов (например, Ксения Букша – лауреат премии «Национальный бестселлер», писатели Надежда Сергеева, Иван Шипнигов, критики Дмитрий Бреслер, Анна Рябчикова и др.) и людей, имеющих филологическое образование, что позволяет считать журнал

---

⁶⁵ Тишков А. А. Указ. соч. С. 103.

профессионально-критическим. В то же время, он ориентирован не на узкую аудиторию литературоведов, а на широкую общественность. Как заявлено на сайте, «журнал “Прочтение” создан для вдумчивых читателей, желающих свободно ориентироваться в книжном пространстве»⁶⁶. Издание стремится сориентировать своего читателя в современном литературном процессе, высказать объективное, непредвзятое мнение о произведениях доступным для массовой аудитории языком. Авторы используют значительное количество конактоустанавливающих средств, что демонстрирует стремление к диалогу с читателем, публицистический характер коммуникации: «Прежде всего, вы — человек с активной жизненной позицией. Будучи целеустремленным, достаточно амбициозным в отношении карьеры и финансов, вы многое хотите успеть и двигаетесь по жизни со все возрастающей скоростью»⁶⁷.

Отметим следующие особенности журнала, важные для данной работы в силу принадлежности его современной литературно-критической системе. Так, название журнала – «Прочтение» – представляет собой языковую игру. С одной стороны, в буквальном смысле слова это «прочтение» - результат процесса чтения текста. С другой стороны, это издание «про чтение». Третья трактовка названия – «рго-чтение», профессиональное чтение. Этот аргумент говорит в пользу того, что издание специализируется на литературе.

Темы, освещаемые в журнале, связаны с динамикой современного литературного процесса, с культурными событиями. Контент-анализ издания за период с 1.01.2014 по 31.12.2014 показал следующие результаты:

1) Рубрика «Кино» представлена 21 рецензией, среди которых 17 посвящено новинкам кинопроката, 4 представляют собой групповые тематические обзоры фильмов XX века. Следует отметить, что 20 из 21 рецензий принадлежит Ксении Друговейко.

2) Рубрика «Книги» представлена тремя подрубриками: «Рецензии», «Отрывки» и «Тексты о текстах». Результаты анализа подрубрики «Рецензии»

⁶⁶ О нас // «Прочтение». URL: <http://prochtenie.ru/node/18346>. Дата обращения: 13.01.2015.

⁶⁷ Прочтение // InJournal.ru URL: <http://injournal.ru/journal/prochtenie.html>. Дата обращения: 13.01.2015.

представлены в Таблице 1. Подрубрика «Рецензии» представлена 93 материалами, из которых 57 рецензий на произведения отечественной литературы, 46 – зарубежной. Только 13 рецензируемых книг датировались 2013 годом, остальные 80 – 2014. Эти факты говорят о том, что издание представляет объективную картину современного литературного мира, отображая литературные новинки как России, так и зарубежья.

3) Подрубрика «Отрывки» (представляющая фрагменты литературных произведений) включает 203 материала, из них 109 отрывков из текстов отечественной литературы, 94 – зарубежной. Это также подтверждает высказанный в предыдущем пункте тезис о том, что издание стремится передать объективную картину современного литературного мира. Следует отметить, что с июня 2014 отрывки сопровождаются краткими аннотациями. Произведения, рассматриваемые в подрубрике «рецензии», также представлены в подрубрике «отрывки», чтобы читатель мог выбрать для себя тот жанр, который ему более интересен.

4) Подрубрика «Тексты о текстах» представлена 23 материалами, из которых 13 принадлежат серии «N высказываний от...», которая представляет собой собрание изречений популярных современных писателей (Д. Быков, А. Аствацатуров, М. Елизаров и др.). Еще 3 материала представлены в жанре биографического очерка, 2 – в виде комментария, 2 репортажа с литературной ярмарки и 3 обзора.

5) Рубрика «Подкасты» включает 18 материалов, из которых 3 посвящены Дому Книги (история и современное функционирование), 7 – интервью с деятелями литературы, 7 – репортажи с литературных событий и один очерк.

Таким образом, анализируя полученные данные, мы приходим к выводу, что подавляющее большинство материалов, публикуемых в журнале «Прочтение», как критических, так и информационных, посвящены литературе. Издание можно отнести к категории литературно-художественных, т. н. «толстых» журналов, т. к. оно отвечает практически всем требованиям, предъявляемых к данному типу периодики: знакомит

читателей с литературными новинками, содержит значительный раздел литературной критики и хроники литературных новостей, уделяет внимание другим видам искусства (в частности, кино). Особенностью его является замкнутость на культурном пространстве и абстрагированность от политической и экономической ситуации. Это позволяет нам говорить о нем как о новом типе литературно-художественного журнала, сосредоточенном исключительно на литературном процессе, что может быть объяснено современной тенденцией к жесткой специализации СМИ. Среди специфических свойств издания, позволяющих характеризовать его как информативный образец современной литературной критики, выделены следующие особенности:

1) журнал традиционно является организатором литературного поколения. Рассматриваемый нами журнал определяет себя как «литературоцентричный», «но не в смысле аромата архивной пыли, а в смысле высокого качества текстов и сотрудничества со всеми ведущими российскими издательствами, которые охотно предоставляют право на публикации фрагментов готовящихся к печати книг лучших отечественных и зарубежных авторов»⁶⁸. Данное издание является своего рода навигатором в мире современной литературы;

2) журнал должен иметь свое направление, влияющее на принципы отбора материала. Контент-анализ издания показал, что для рассмотрения в нем подбираются российские и зарубежные литературные новинки. Чаще это новые произведения популярных писателей (таких как В. Пелевин, Е. Чижова), или, по крайней мере, уже известных читателю (как, например, Саша Филипенко). «Новые имена» в издании открываются значительно реже. Этот фактор совокупности с критерием актуальности можно считать в том числе принципами отбора материала;

3) журнал является одновременно литературно-художественным и общественно-политическим изданием. Но даже в рецензиях на политические

---

⁶⁸ Прочтение (журнал о книгах) // Wikimedia Foundation. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1109084>. Дата обращения: 13.01.2015.

мемуары или книги по истории Советского Союза доминирует интерес критиков не к общественно-политическим дискуссиям, а к текстовой материи рецензируемого произведения. Эту тенденцию можно выделить как ключевую особенность журнала: стремление выполнять свои прямые функции – анализировать и оценивать литературу, не отвлекаясь на остросоциальные рассуждения, которые не являются предметом литературной критики;

4) основной фактор, на который ориентируется журнал – аудитория. Журнал «Прочтение» определяет своего читателя так: «Скорее всего, вы читаете несколько книг одновременно — специальный справочник будет лежать рядом с колонкой критики в глянцево-м журнале, новым детективчиком, фантастическим романом и философским трактатом. Да вы почти всеядны! Возможно, причина именно в том, что вы хотите жить полной жизнью, вам все интересно. Нам — тоже! У нас много общего, вы не находите?»⁶⁹ В этой цитате заложено представление о читателе как о человеке, живущем «на бегу», поглощающем большой объем информации.

Неудивительно, что для обзора в издание отбираются произведения самых популярных и известных писателей – ведь заинтересовать занятого, искушенного читателя не слишком просто. Кроме того, эта цитата красочно передает стилистику общения журнала с читателем: дружеское общение, в котором, однако, один (критик) понимает чуть больше, а потому мотивирует свою позицию, обращаясь к собеседнику-читателю.

Таким образом, мы можем утверждать, что анализируемое в данной работе литературно-критическое издание – онлайн-журнал «Прочтение» – является качественным культурно-просветительским изданием. «Прочтение» является литературно-художественным журналом, обладающим новыми характеристиками, ранее не присущими изданиям данного типа, как-то: уход от открытой дискуссии на общественные темы (политики, экономики, религии и пр.) и сосредоточенность на осмыслении и трансляции

---

⁶⁹ Прочтение // InJournal.ru URL: <http://injournal.ru/journal/prochtenie.html>. Дата обращения: 13.01.2015.

определенных ценностных смыслов, зафиксированных в презентуемых литературных текстах.

Как социокультурный феномен, современная литературная критика представляет собой сложное явление, определяемое дискурсивными традиционными и современными факторами.

1.2 Аксиологическое содержание дискурса

Современное общество характеризуется высокой динамичностью развития системы информационных отношений. Меняется характер взаимодействия аудитории со СМИ и СМИ с аудиторией, стремительно развивающаяся интернет-коммуникация постоянно вносит коррективы в отношение читателя к потребляемой им информации. Информатизация достигает глобального характера и высокой скорости транслирования медиатекстов, иными словами, сообщается «всё, всюду и постоянно». В таких условиях вопрос ценностного наполнения журналистики становится крайне важным, по крайней мере, в двух направлениях. Во-первых, ценностное наполнение оказывает и прямое, и скрытое воздействие на читателя. Во-вторых, поддерживаемые читателем ценности, транслируемые тем или иным изданием, являются фактором отбора, приверженности данному СМИ. Эти положения показывают, что вопрос аксиологии журналистики является актуальным не только с точки зрения академического изучения, но и для массовой аудитории.

Приступая к разговору об аксиологии культурно-просветительского дискурса, необходимым представляется определить понятие ценности. Эта проблема является актуальной в современной философии. Немецкий философ П. Менцер, подчеркивая определяющее значение ценностей для человеческого существования, понимал под ценностями то, что «чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением»⁷⁰.

---

⁷⁰ Философский словарь. М, 2003. С. 498.

Рассмотрим учение о ценностях в истории русской философской мысли. Как анализируют Л. С. Николаева и Т. Н. Чумакова⁷¹, ценности изучались в трудах Дм. Писарева (общественное благо выступает как высшая ценность), К. Леонтьева (высшая ценность – это красота), Вл. Соловьева (высшие ценности платонизма – истина, благо, добро, красота в христианской картине мира), а так же в концепциях П. Флоренского, Н. О. Лосского, Н. А. Бердяева. Для О. Г. Дробницкого и В. П. Тугаринова ценности – одновременно значимость и идеал, однако Г. П. Выжлецов считал, эти концепции «мономарксистские», а «прерванная в 30-50-е годы мировая и, в особенности, русская традиция в развитии ценностной философии так и не была восстановлена»⁷². В рационально-материалистической парадигме (П. Алексеев, А. Панин, В. Шкурко, А. Коршунова, В. Сержантова) осуществляется отказ от абсолютизации высших ценностей, выделяется значимость для субъекта специфики оценки, ценности становятся носителями межсубъективных отношений.

Существует несколько определений понятия «ценности». Так, под ценностями понимают «обобщенные цели и средства их достижения, играющие роль фундаментальных норм, обеспечивающие интеграцию общества и помогающие индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях»⁷³. Ценности образуют ценностные ориентации. По мнению Р.М. Рахимовой, ценностные ориентации определяются как зафиксированные в сознании социальные установки, мотивирующие действия субъекта в соответствии со значимостью целей и идей⁷⁴. Релевантным представляется следующее определение: ценности – это отношение между представлением субъекта о том, каким

⁷¹ Николаева Л. С., Чумакова Т. Н. Сущность и основные характеристики понятий «ценность» и «ценностные ориентации»: теория вопроса // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2014, №4. С. 68-78.

⁷² Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб, 1996. С. 17.

⁷³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 628.

⁷⁴ Рахимова Р.М. Ценностные ориентации молодежи Юго-востока Татарстана // Регионология. Саранск. 2002, №2. С. 243.

должен быть оцениваемый объект, и самим объектом. Если объект соответствует предъявляемым к нему требованиям (является таким, каким он должен быть), он считается хорошим, или позитивно ценным; объект, не удовлетворяющий требованиям, относится к плохим, или негативно ценным; объект, не представляющийся ни хорошим, ни плохим, считается безразличным, или ценностно нейтральным⁷⁵. Система ценностей и сами они проявляются в социуме, самоценном субъекте как совокупность отношений и самих субъектов⁷⁶.

В философии существует дисциплина, «занимающаяся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам»⁷⁷, – аксиология. Основную задачу аксиологии видят в анализе положения и соотношения ценности с общей структурой бытия, с данностями социума и культуры (как ценности, будучи обращены к человеку, реализуются в действительности). Следовательно, вопрос ценностей входит в компетенцию не только философии, но и других наук, в числе которых социология, психология и др.

Научное направление, изучающее ценности, функционирующие в медийном пространстве, называется аксиологией журналистики. Необходимость выделения в научной среде такого направления обусловлена тем, что «современные научные представления о средствах массовой коммуникации дают возможность рассматривать информационное послание как передачу некой ценности»⁷⁸.

⁷⁵ Философия: Энциклопедический словарь. Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ЦЕННОСТЬ. Дата обращения: 26.09.2015.

⁷⁶ Николаева Л.С. Социально-философский анализ трансформации ценностных ориентаций личности студента // Research Journal of International Studies. Екатеринбург, 2014. №2.

⁷⁷ Новейший философский словарь. Минск, 1999. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/55/АКСИОЛОГИЯ. Дата обращения: 26.09.2015.

⁷⁸ Хочунская Л. В. Медийные «лидеры мнений» как выражение ценностей аудитории // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации / сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2012. С. 14.

Ценностный подход приобретает все больший вес в исследованиях ученых, в частности, социологов, которые регулярно измеряют параметры ценностного восприятия мира российским обществом. По мнению В. А. Сидорова, «отныне ценностное измерение журналистики, как и в целом медиасферы, становится важным показателем ее соответствия коммуникативным запросам общества»⁷⁹. Аксиология журналистики, таким образом – это «научная дисциплина, изучающая журналистику как источник и ретранслятор ценностей общества во всем их предметно-смысловом многообразии, а также собственно журналистику как социальную ценность»⁸⁰. Аксиология журналистики изучает принципы и способы освоения журналистами социокультурных ценностей, а также способы их репрезентации в медиадискурсе. Это связано с тем, что журналистика традиционно является источником и ретранслятором ценностей: с одной стороны, выступая как носитель, она аккумулирует актуальные ценности общества и транслирует эти ценности в данном обществе и за его пределами; с другой стороны, являясь частью культуры, которая создает ценности, идеи, смыслы, журналистика сама оказывается включенной в этот процесс созидания.

Средства массовой коммуникации, в которые входят и СМИ, в массовом порядке, но на индивидуальном уровне доносят до сознания человека ценности, интерпретируют их, обновляют их содержание. По мнению ученых, явления реальности, события, факты аудитория СМИ осмысливает через призму системы ценностей, следовательно, информационное сообщение, смыслы, закладываемые журналистом могут быть верно интерпретированы только в случае, если их воспроизведение учитывает систему ценностей той группы, для которой они предназначены⁸¹.

---

⁷⁹ Сидоров В. А. Аксиология журналистики. СПб, 2016. С. 13.

⁸⁰ Сидоров В. А. Указ. соч. С. 14.

⁸¹ Ховалыг Д. В. Трансформация ценностных ориентаций российского общества в средствах массовой информации. Автореф. дисс. к. полит. н. URL: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/transformacija-cennostnyh-orientacij-rossijskogo-obwestva-v-sredstvah-massovoj.html>. Дата обращения: 12.02.2016.

Это не значит, что журналист обязан угождать аудитории в том случае, если ее ценности антисоциальны, деструктивны. Журналист должен понимать, каковы ценностные установки его аудитории, согласен ли он с ними, и какими средствами их можно скорректировать при необходимости. Это связано с процессом актуализации ценностных смыслов. «Смысл представляет собой взаимосвязь актуализированных и неактуализированных возможностей, потенциализируя то, что не было в данный момент актуализировано»⁸². Каналы массовой коммуникации способствуют актуализации смыслов, отображению изменений реальности, соотнося их с запросами аудитории, поскольку «смыслы в природе вычитывает человек»⁸³. Эта способность человека «вычитывать смыслы» определяется на протяжении всей истории межличностных, групповых и массовых коммуникаций. История журналистики доказывает, что журналистика способна поднимать вопросы, менять общественное мнение. Как указывалось выше, это связано с такой особенностью публицистического дискурса, как полемичность, стремление сказать новое слово, отличное от ранее существовавшего мнения. Такая особенность позволяет постоянно дополнять ценностные смыслы, подвергать их корректировке.

Помимо дискурсивной подчиненности изменениям, адаптивности, ценности обладают и другими свойствами. Как отмечает Г. П. Выжлецов, они «объединяют людей, ценностные отношения носят внутренний, ненасильственный характер. Ценностью нельзя завладеть силой. И самое главное: ценности логически и научно доказать невозможно»⁸⁴. Однако с помощью каналов СМИ ценности можно превратить в феномены массового сознания, что поднимает вопрос об ответственности журналистики и всестороннему пониманию механизмов функционирования ценностей. В условиях огромного, постоянно обновляющегося объема информации, поступающей к аудитории, возникает опасность подмены ценностей

---

⁸² Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. С.119.

⁸³ Гуревич П. С., Палеева Н. Н. Философия культуры. М., 2014. С.251.

⁸⁴ Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб, 1996. С. 61.

псевдоценностями, псевдоидеалами. А по мнению В. А. Сидорова, «еще опасней не внести в сознание общества должное понимание актуальных ценностей, среди которых умение реагировать на реальные, а не выдуманные обстоятельства жизни»⁸⁵.

Следует отметить, что ценностное воздействие журналистики на аудиторию направленно не на всеобъемлющую абстрактные смыслы, а на отдельные фрагменты смысловой структуры реальности и миропонимания, такие как добро, зло, истина, ложь и т. д. Эти компоненты образуют аксиологическое поле журналистики, инструментом понимания которого выступает ценностное содержание.

Прежде чем переходить к разговору о механизмах формирования ценностного содержания культурно-просветительского дискурса, обратимся к пониманию культуры как информационного аспекта жизни общества. При таком подходе культура выступает в качестве социально значимой информации, регулирующей деятельность, в том числе общение и поведение людей. Эта информация одновременно осознается человеком и функционирует как социально подсознательное. Поэтому каждый функционирующий в дискурсе продуцент, журналист, должен восприниматься как творение культуры, становящееся личностью за счет усвоения социального опыта, порожденного культурой и адаптацией к нему собственного индивидуального опыта. Так журналист привносит в культуру новые факты, закрепляющие опыт и актуализирующие его на индивидуальном уровне, т. е. так, чтобы читатель смог его усвоить.

Итак, ценности, присущие культурно-просветительскому дискурсу, вытекают из ценностей, пропагандируемых конкретными СМИ, данный дискурс формирующими, и значимых для общества в целом. Стоящая перед нами цель заставляет выявить, во-первых, смыслы, транслируемые в аксиологическом поле дискурса, а во-вторых, способы и средства их трансляции. Для изучения первой, когнитивной характеристики, мы исследуем концептосферу дискурса. Для изучения второго,

⁸⁵ Сидоров В. А. Указ. соч. С. 108.

коммуникативного аспекта, целесообразным представляется создание описания системы средств, используемых для выражения оценки в текстах культурно-просветительской журналистики.

Глава II. Средства выражения ценностного содержания журналистского текста

2.1 Концепты и аксиологемы

2.1.1 Концептосфера журналистского текста как научная проблема

Предметом нашего интереса в этом параграфе становится речевая презентация концептосферы медийного текста определенной тематики и жанровой принадлежности с целью выявления ценностных установок автора. Мы исходим из того, что эти установки с наибольшей очевидностью проявляются через систему концептов, напрямую соотнесенных со смысловой структурой текста. Как отмечают исследователи, «центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип»⁸⁶, «я подчеркиваю принципиальную значимость ценностного компонента в структуре концепта, именно этот компонент является культурно-значимым»⁸⁷ что подчеркивает правомерность нашего подхода.

В науке существует несколько подходов к определению термина «концепт». Изучением концептов в русской культуре в разное время занимались Д. С. Лихачев, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов и многие другие.

Концепт – понятие для отечественной гуманитарной науки относительно новое. По словам С. Г. Воркачева, с начала 90-х гг. прошлого века столкнулись «концепт» (Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов-Алексеев, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов), «лингвокультурема» (В. В. Воробьев), «мифологема» (М. Лехтеэнмяки, В. Н. Базылев), «логоэпистема» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова); «однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным

⁸⁶ Казабеева В.А. О содержании понятия «лингвокультурный концепт» в современной лингвистике // Концепт и культура: Мат-лы III Международной научной конференции. Кемерово, 2008. С. 263.

⁸⁷ Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград, 2007. С.31.

здесь оказался “концепт”, по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования»⁸⁸.

Обратившийся одним из первых в отечественной лингвистике к понятию концепта С. А. Аскольдов полагал, что наиболее существенной функцией концептов как познавательных средств является функция заместительства. Он полагал, что концепт это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»⁸⁹. Схожей точки зрения придерживался Д. С. Лихачев: он считал концепт «алгебраическим выражением значения, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.)»⁹⁰.

Если С. А. Аскольдов и Д. С. Лихачев понимают концепт предельно широко, как замещение в индивидуальном сознании любого значения, то С. Г. Воркачев, В. В. Колесов, Т. Н. Снитко – более узко, для них концепт – это важнейшая культурно-значимая категория внутреннего мира человека. Практически такой же точки зрения придерживаются Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. И. Карасик.

В лингвистике существует два подхода к изучению концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурологический. В лингвокогнитологии концепт – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»⁹¹. В этом определении

⁸⁸ Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. С. 41.

⁸⁹ Аскольдов С. А. Концепт и слово. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М, 1997. С. 274.

⁹⁰ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 347.

⁹¹ Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90.

подчеркивается сохранение и воспроизведение в сознании информации о мире в виде определенных фрагментов знаний и оценок. Для лингвокогнитивного подхода свойственно упомянутое выше понимание концепта как заместителя понятия, «намек на возможное значение», «отклик на предшествующий языковой опыт человека»⁹², т. е. концепт предстает как некий новый смысл, опосредованный индивидуально, в отличие от непосредственно словарного значения.

В лингвокультурологическом подходе концепт – это словесно выраженный культурный смысл, семантическая единица языка культуры. В рамках данного подхода концепт признается базовой единицей культуры, ее основанием. По замечанию Ю. С. Степанова, «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.»⁹³ В важнейшей для данного исследования работе «Константы: словарь русской культуры» Ю. С. Степанов сосредотачивает внимание на термине «константа», рассматривая ее как разновидность концепта. «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время. Кроме этого, термину “константа” может быть придано и другое значение – “некий постоянный принцип культуры”»⁹⁴.

Эти подходы не взаимоисключают, а дополняют друг друга: концепт как ментальное образование в сознании индивида ведет к концептосфере социума, то есть в конечном итоге на культуру, а концепт как единица культуры есть образец коллективного опыта, выраженного через индивидуальное сознание.

Обобщая подходы к изучению концептов, в монографии «Языковые ключи» В. И. Карасик приводит исчерпывающий перечень определений

---

⁹² Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 116.

⁹³ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. С. 44.

⁹⁴ Степанов Ю. С. Указ. соч. С. 84.

термина, в которых их авторы разграничивают концепт и близкую к нему номинацию «понятие»:

- «понятие (*intellectus*) рассудочно и связано с рациональным знанием (пониманием), концепт (*conceptus*) – производное возвышенного духа, разума, способного творчески воспроизводить смыслы»⁹⁵;

- «концепт – это точка пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов, это “сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру”, с иных позиций концепт – это содержание понятия и спрессованная история понятия»⁹⁶;

- «концепт – это замещение значения слова в индивидуальном сознании и в определенном контексте, это личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения»⁹⁷;

- «концепт – это объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов)»⁹⁸.

На основе изучения характеристик, отличительных черт концепта, В. И. Карасик предлагает определение термина, которое будет являться основным в нашем исследовании: «Концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта»⁹⁹.

Важнейшим, на наш взгляд, в этом определении является понятие опыта: концепт – не просто результат осмысления действительности, но соотнесение своего опыта восприятия с внешней средой и с опытом других людей. Отсюда выводим цель концептуального анализа текста: выявление

⁹⁵ Абеляр П. Цит. по: Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград, 2007. С. 25..

⁹⁶ Карасик В. М. Указ. соч. С. 40.

⁹⁷ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 281.

⁹⁸ Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М., 2005. С. 39.

⁹⁹ Карасик В. И. Указ. соч. С. 27.

отличий между индивидуально-авторским и общеязыковыми концептами, определение специфики авторского обращения с концептосферой.

По мнению В. А. Казабеевой, для концепта характерно наличие множества «входов», т.е. единиц языка и речи, при помощи которых этот концепт актуализируется в сознании своего носителя. «Входы» в концепт могут относиться к различным уровням языка. Для апелляции к одному и тому же концепту используются и лексемы, и фразеологизмы, и свободные словосочетания, и предложения, и тексты¹⁰⁰. Изучение средств актуализации концепта в тексте также представляется важным для нашего исследования.

В рамках исследования ценностного содержания культурно-просветительского дискурса представляется необходимым введение термина «аксиологема». В философии этот термин выделяется наряду с мифологемой, идеологемой, и определяется как «совокупность ценностей, находящихся в относительно постоянном единстве и взаимно обусловленном отношении друг к другу»¹⁰¹. Аксиологема, по мнению исследователей, представляет собой ценностную основу, аксиологический архетип, материал для выделения сходных по форме, но не по содержанию ценностей. В лингвистике аксиологема – это «языковой репрезентант аксиологического смысла»¹⁰² или «специфический концепт, включающий оценку»¹⁰³. Таким образом, выдвинем тезис о том, что в культурно-просветительском дискурсе ценности представлены в виде аксиологем, т.е. концептов, осознаваемых автором текста как ценности.

Как отмечает А.А. Ивин, каждому объекту может быть приписан абсолютный аксиологический статус, выражаемый «абсолютными

¹⁰⁰ Казабеева В. А. Указ. соч. С. 263.

¹⁰¹ Кочеров С. Н. «Аксиологема» как проблема теории ценностей // Теоретический журнал Credo New. URL: <http://credonew.ru/content/view/1069/65/> Дата обращения: 11.03.2016.

¹⁰² Казыдуб Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009, №2. С. 134.

¹⁰³ Миллер Л. В. Оценка в концептосфере художественной картины мира русской литературы // Язык и ментальность. Текст и концепт: Вып. 1. Под ред. В. В. Колесова. СПб, 2004. С. 17.

аксиологическими понятиями “хорошо”, “плохо” и “(оценочно) безразлично”», и относительный аксиологический статус, выражаемый «сравнительными аксиологическими понятиями “лучше”, “хуже” и “равноценно”»¹⁰⁴. В зависимости от аспекта рассмотрения объекта, ценностных установок и интенций автора, каждый объект, вербализуемый аксиологемой (зачастую имплицитно выраженной) оказывается включенным в одну или другую аксиологическую плоскость. Очевидно, что аксиологемы, независимо от того, осознаваемы ли они автором, являются одной из составляющих успешной коммуникации, эффективного воздействия на читателя.

Абсолютная или относительная сравнительная ценность объекта в тексте выражается с помощью оценочных модальностей или аксиологических категорий. Таким образом, анализ концептуального содержания и особенностей его выражения в тексте позволит определить их ценностное наполнение.

В качестве метода проведения концептуального анализа нами избран анализ лексико-семантических полей. Введение категории «поля» в данную работу обусловлено, во-первых, необходимостью анализа лексического наполнения текстов, а, как отмечают ученые, «основным принципом организации лексико-семантической системы естественного языка является полевая структура»¹⁰⁵, во-вторых, полевой подход в изучении лексической семантики позволяет «определить значения слова во всём объёме, соотношение понятия и значения, синонимии и антонимии, языка и речи»¹⁰⁶, что является важным для данного исследования в аспекте расшифровки ценностного содержания концептов, выявляемых в тексте.

Лексико-семантическое поле – это «совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием и

---

¹⁰⁴ Ивин А.А. Аксиология. М., 2006. С. 75.

¹⁰⁵ Москович В.А. Три метода обнаружения лексико-семантических связей слов // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: М., 1971. С. 35.

¹⁰⁶ Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. С. 55.

пересекающихся с ядерными словами по отдельным семам»¹⁰⁷. Поле имеет определённую структуру, состоящую из ядра и периферии. Для поля характерна «максимальная концентрация полеобразующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности на периферии»¹⁰⁸. Слово, описывающее поле, т. е. находящееся в ядре, считается именем поля, что в рамках нашего исследования синонимично понятию «концепт». К периферии поля относятся вышеупомянутые «входы» в концепт, т. е. средства выражения концепта, «лексемы, фразеологизмы, свободные словосочетания» и т. д. Таким образом, анализ лексико-семантических полей позволит определить и наиболее значимые концепты, и их наполнение и специфику выражения в тексте.

2.1.2 Специфика презентации концептов в культурно-просветительском журналистском дискурсе

Изучив концептуальное наполнение текстов рецензий различных авторов журнала «Прочтение», а также соотнеся его с аксиосферой текстов, мы сможем определить содержательную и содержательно-выразительную составляющие ценностного содержания текстов.

В рецензиях А. Рябчиковой были отмечены следующие концепты и соответствующие им лексико-семантические поля:

- концепт «реальность», используемый в контексте *«реальности знакомой, дебелой, удушающей»* («Извлечение камня глупости»), *«запутанного палимпсеста»*, который *«открыл свой темный зев и задышал поэзией»* («Народ и воля»);

- концепт «гражданская позиция» определяется автором как *«искреннее желание наладить, отрегулировать, привести в порядок»*, но все, кто связан с этим концептом, оказываются *«потерянными в собственных сомнениях»*, словно *«попугай одноглавый, скипетром и державой не наделенный»* («На птичьем языке»);

¹⁰⁷ Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984. С. 97-99.

¹⁰⁸ Полевые структуры в системе языка / Под. ред. З. Д. Поповой. Воронеж, 1989. С. 5.

- концепт «история» отождествляется с рождением человека – *«отрезать пуповину, ведущую к истории отечества», «сентиментальное путешествие на родину»* («Отечественные записки») и связанный с ним концепт «память», который словно *«спазм, подобный эффекту от инквизиторской казни»* или *«упрек, который звучит как заповедь»* («Хор оглашенных»);

- концепт «время» необычно раскрывается в рецензии «Отечественные записки» – рецензируемая книга называется «Связь времен», сам концепт обыгрывается с помощью различных метафор, ассоциирующихся со временем, например, *«свернуть часы»* в значении «прийти к единому мнению», *«увидеть эпоху за звучащими историями»*;

- концепт «свобода» представляется одной из наивысших ценностей – *«читатель может наслаждаться чувством собственной свободы»*. В рецензию на книгу К. Букша «Завод “Свобода”» А. Рябчикова включает такую цитату: *«Вообще без „Свободы“ сразу становится непонятно, который час, где штаны и кто я такой»*;

- концепт «семья» соотносится с *«бесконечной чередой свадеб и разводов с одним человеком», «сетованиями мужчин на ненасытность женщин и ответными упреками последних в малодушии сильного пола», «флюгерами, бешено крутящимися в порывах ветра перемен»* («Порох для огня»);

- значимый для автора концепт «Бог» представлен в аспекте *«мучительной проверки понятий веры и любви», «мук богоданного чувства»* и *«попранья иконы, которую герои видят в своих возлюбленных»* («Хор оглашенных»).

Очевидно, что, во-первых, традиционные для русской ментальности концепты переосмысливаются автором, сопровождающие презентацию концептов оценочные суждения трансформируют их ценностный потенциал. Во-вторых, периферия лексико-семантических полей формируется в основном метафорами, что позволяет нам говорить о метафорической природе концептуального содержания рецензий. Это обуславливается

оценочной интенциональностью текстов, нацеленных на трансляцию эстетических оценок художественных произведений. Метафора стремится не сообщить об объекте новую информацию, а определить отношение к нему, соотнести его с определенной парадигмой, в т. ч. ценностной шкалой.

В рецензиях Ксении Букша были выявлены следующие наиболее значимые для автора концепты (критерий значимости определялся по частоте упоминания, расстановке акцентов):

- высокочастотный концепт – «ум»; признание интеллектуальных возможностей человека – высочайший комплимент автора: «*Человек, умеющий думать*» («Волшебные яблоки»), «*Какой умный человек!*» (Половине человечества), «*они способны обдумать свое восприятие, и мы можем думать вместе с ними*» («Искусство слушателя»), можно сказать, что она хранит «*веру в человеческий разум*» («Нечему завидовать»). Отметим, при этом, что слова из лексико-семантического поля «ум» всегда соседствуют у К. Букша со словами поля «человек», что позволят нам сделать вывод о том, что для К. Букша высокие интеллектуальные способности человека – высочайшая ценность;

- концепт «история» представлен иначе, чем у А. Рябчиковой. Если для Рябчиковой история наделена сакральным смыслом, то для К. Букша история, в первую очередь, соотносится с документом, историческим фактом: «*изучение наследия*» («Всем, кто его любит»), «*дневник Полины — качественный первичный источник*» («Война – бессмысленное дело»), «*книга документальна, он цитирует множество писем, дневников, свидетельств*» («Западно-восточный диван») и др.;

- концепт «интерес» связан с важнейшей характеристикой рецензируемых книг (хорошее произведение – то, которое вызывает интерес): «*когда читаешь, хочется лезть в интернет и слушать*» («Искусство слушателя»), «*читаешь с вежливым интересом*» («Королевский блюз»), «*все, что описано Асей Казанцевой, интересно*» («О нейромедиаторах – шутя!»);

- концепт «потребление» представлен таким образом: *«Страшнее всего читать страницы о голоде — он везде примерно одинаков; но и времена “сытого изобилия” вызывают у читателя содрогание»* («Нечему завидовать») – здесь потребление выступает как качественная характеристика уровня жизни; сравнение появления фарцовщиков и стилиг с *«шагом из прошлого в будущее»* («Стильный оранжевый галстук») показывает положительное влияние потребления, по мнению автора, на развитие общества; в то же время, К. Букша признает, что культуру потребления современное общество утратило и роскошь с трудом можно назвать ценностью: *«и традиционная, ритуальная роскошь, и безудержная роскошь богачей кажутся сегодня архаичными»* («Философия шоколадной ванны»).

Таким образом, у Ксении Букша мы видим иную, нежели у А. Рябчиковой, систему работы с концептосферой. В рецензиях К. Букша концепты не нужно вычленять, автор использует для их фиксации прием повтора. Текстовая периферия, в раскрывающая отношение и смысловое наполнение концепта, представлена простыми конструкциями, которые также повторяются из рецензии в рецензию.

В рецензиях Елены Васильевой мы встречаем не просто концепты, но общечеловеческие ценности, идеалы, существующие не только в российской ментальности, но и в общих гуманистических посылах:

- концепт «любовь» рецензент определяет как *«чувство, не терпящее банальностей, — любовь к мужчине, женщине, ребенку, дому, городу и жизни вообще»* («Будь мужчиной»). Мы видим, что ценностью для Е. Васильевой является не только романтическая любовь, или какой – либо упрощенный ее вариант, но весь объем этого понятия: так, книга о родном городе писателя А. Иванова называется рецензентом *«сочинением о любви к родине»* («Лучше вы к нам»);

- концепт «человеческое», имеющий позитивную ценностную составляющую, выражен через определение качеств, подпадающих под это определение: *«спасти ее из пучины отчаяния может только человеческая доброта», «проявляется человеческая трусость»* («Отчаявшаяся

домохозяйка»). При этом, человечность как собирательный образ является для Е. Васильевой положительным свойством личности, а эпитет «человеческий» является комплиментом произведению: *«литературу более человеческую, чем у Линор Горалик, надо еще поискать»* («Нельзя сказать короче»), это проявляется и через противопоставление: *«Настолько низкие, подлые, аморальные воспоминания начинают подниматься из могилы памяти и терзать душу, что теряется вера в собственную человечность»* («Эксгумация души»);

- концепт «жизнь» выражается автором во всей полноте смысловых оттенков: это достигается с помощью метафор – *«процесс чтения — это тоже бегство, исход из еще одного Египта — окружающей реальности»* («Беги, Гоголь, беги!»), *«жизнь на грани нервного срыва»* («Нельзя сказать короче»), и через предложения, непосредственно поясняющие значение концепта для рецензента – *«жизнь — она не только в Москве и Петербурге. Она там, где есть благоприятная политическая и культурная среда, в городах, которые сами строят свою судьбу, у которых есть свое лицо»* («Лучше вы к нам»), *«в книге реальность та же, что за окном»* («Нельзя сказать короче»).

В рецензиях Анастасии Бутиной представлены две группы концептов.

Первая группа – концепты с общечеловеческим ценностным значением:

- концепт «добро» является ключевым в рецензии «Вариации на тему жирафов и слонов». Выражается с помощью однокоренных слов с различными оттенками значений: так, автор книги – Светлана Мартынчик *«скрывается под маской добряка Макса Фрая»*, примеряет на себя роль *«странной доброй феи из пугающей современной сказки»*. Здесь отмечается некоторая настороженность по отношению к кажущейся *«подозрительно доброй»* писательнице. Однако, по словам самого рецензента, *«Лед тронулся, точнее — был растоплен трогательностью и добротой автора и персонажа»*. Лексеме «добро» возвращается ее традиционное значение и в

совокупности с новыми оттенками она помещается в аксиологическое поле текста;

- концепт «гуманизм» связан с добром, но определяется как явление менее абстрактное, более насущное: люди, выполняющие миссию «Врачи без границ» - *«реальные герои», «гуманисты, посвятившие себя спасению человеческих жизней и ни секунды не сомневающих в важности своего дела»*, книга о них – *«памятник всем добровольцам миссии»* («Тропы»). Значимость концепта выражается через перечисление тех, кто нуждался в медицинской помощи: *«дети, подорвавшиеся на минах, женщины и старики с младенцами на руках, спасающиеся от бомбардировок, и так рано повзрослевшие юноши»* - и через противопоставление описываемых страданий идеям гуманизма достигается большая глубина выразительности.

Такой же прием используется в рецензии «Том о Джерри» для обозначения злодеяний фашистского режима: *«пересекающиеся свастикой дороги; с инженерной скрупулезностью составленные схемы укрытий и лагерей; перевоплощение евреев в поляков путем появления на их лицах масок свиней; татуировка Владека»*;

- концепт «любовь» является наиболее частотным для А. Бутиной и представляет для автора, по-видимому, наивысшую ценность, будучи выраженным через само имя лексико-семантического поля: *«любовь, которую уносят с собой в могилу», «Книга не о жалости, но о любви; не о слабости, но о мужестве и вере в чудо»* («Ба!»), *«Это хроника становления прочных отношений, основанных на любви»* («История одной болезни»), *«женщина перерождается вновь во имя любви к брату, которая оказалась сильнее жизни и уж точно сильнее смерти»* («Ода соловью»), *«любят свою работу и делают ее от души»* («Том о Джерри»). Выражение данного концепта с помощью различных приемов раскрывает дополнительные смыслы, которые в него заключил автор: через антитезу любовь противопоставляется жалости, через сравнение с жизнью и смертью

ставится выше всего, что есть в человеческой жизни, а «любить делать что-то» у А. Бутиной значит «делать от души, хорошо».

Другая группа транслируемых ценностей, выявленных в рецензиях А. Бутиной, связана с рецензируемыми книгами и включает в себя концепты «язык» и «изображение» (в значении образец визуального осмысления действительности):

- концепт «язык» предстает в значении «стилистика, речевая характеристика текста»: роман *«блестящий с точки зрения языка»* («Ба!»), *«язык романа приятный, но не задорный»* («Призрачно все»), *«Словно написанный на древнегреческом языке, труд во всей красоте откроется лишь тому, кто свободно говорит на языке Аристотеля»* («Советско-русский разговорник»); в то же время «язык» выступает и как полноценный концепт, содержащий в основании ценность: так концепт выражается в рецензии *«Скороговоры за жизнь»* - *«главная задача литературы заключается в ответственности перед языком»*, девушки, окружающие героев книги *«прекрасны, но пусты»*, ведь они *«не способны оценить глубину языка, юмора, аллюзий»*. Мы можем наблюдать двуединство значений концепта, где важнейшим для нас является второе, связанное с ценностным осмыслением понятия;

- концепт «изображение» раскрывается по аналогии с понятием «текст», т. е. включает в себя слова из лексико-семантического поля «вербальное»: *«основанный на реальных событиях рассказ»*, *«история болезни»*, *«не просто картинки, но фактический материал, доказательство силы духа»* («История одной болезни»), *«это всегда набор иллюстраций, которые благодаря фантазии читателей превращаются в связную историю. От того, насколько она привлекательна, зависит, станут ли картинки подсказками в литературном квесте»* («Тик-так-бумм!»).

Имеет концепт и ценностное наполнение: *«артефактами»* называются *«обложки и эскизы, постеры и афиши, пошаговая прорисовка отдельных сцен»* («Тик-так-бумм!»), *«пугающе черные, словно день никогда*

не наступает, иллюстрации Маттотти являются необходимым дополнением **бодлеровского зла**, царящего на страницах романа» («(У)дар сульбы»).

В текстах А. Бутиной пропагандируются как общечеловеческие, так и утилитарные ценности, необходимые для непосредственной передачи отношения к различным типам рецензируемых произведений.

Евгения Клейменова транслирует в своих рецензиях собственные, специфические, индивидуальные ценности, которые не так ярко проявляются в текстах других авторов:

- концепт «смелость» не выражается напрямую, но набор характеристик, одобряемых или не одобряемых рецензентом, показывает смысловое наполнение и ценностное значение данного концепта: *«Современным школьникам нелишне будет узнать, как закалялась сталь»*, *«составители сборника Павел Крусанов и Вадим Левенталь осмелились перекопать парк Советского периода»* («Двадцать с лишним лет под водой») - в этих примерах видно, что смелость, осмелиться, быть смелым – положительное качество, по мнению Е. Клейменовой. *«Все ровное, серое, пыльное, прошлоековое. Ожидать потрясений не стоит»* («Несчастны по-своему») – здесь используется антиценность, отсутствие потрясений называется серым, пыльным, из чего можно сделать вывод, что противоположная характеристика – смелость – является ценностью. Этот тезис подтверждает еще одна цитата: роман *«как раз о северных лесах и людях, непонятно как выживающих там, где уже за забором таится опасность»* («Охота на свободу») – интенция этого высказывания – одобрение, восхищение смелыми людьми.

- концепт «знание» (его положительное ценностное содержание) представлен через сопряженные понятия: *«В хорошем смысле это и правда учебник. Не только по литературе, но и по истории, этике, культуре, родной речи»* («Двадцать с лишним лет под водой»), один из героев рецензируемой книги, аспирант *«меняет свой “голубоглазый романтизм”*

на склонность к точности и достоверным знаниям» («Совсем другие люди»);

- концепт «прошлое», как и предыдущие концепты в текстах Е. Клейменовой, раскрывается через понятия, включенные автором в его содержание: *«То, что дети девяностых уже не помнят советскую классику, вранье»* (Двадцать с лишним лет под водой) – высказывание формулирует тезис «То, что дети девяностых помнят советскую классику – правда» и представляет собой положительную характеристику автором бережливого отношения к прошлому. Сборник «Совсем другое время» сравнивается рецензентом с *«альбомом со старыми фотографиями», «рассказами о детстве, прадеде-белогвардейце и ленинградском духе, сформировавшемся в блокаду и плотно осевшем на островах»* («Совсем другие люди»). Прошлое в тексте отождествляется с создателем действительности, выступает как творец настоящего: *«Отвоевавший свое белогвардеец спустя двадцать лет после воссоединения с павшей армией начинает влиять на судьбу ученого, заставляя его отправиться то в Ялту, то в родное поселение»* («Совсем другие люди»).

Надежда Сергеева в рецензиях также прибегает к авторским концептам, представляющим собой осмысленные с точки зрения личного опыта общекультурные концепты:

- концепт «тайна» выражается в текстах с помощью номинаций, прямых и синонимичных: *«"Перевод с подстрочника" — это неразгаданная тайна, почти детектив»* («В пустыне чахлой и скупой»), *«возвращается и старая Москва, настоящий город-миф»*, *«необходимо познакомиться с героями книги чуть ближе и самому отыскать ключ к их миру»* («Галерея забытых портретов»), *«в центре внимания оказываются "подводные течения" — скрытые в оговорках и намеках сильнейшие переживания персонажей»*, *«Перед главным героем стоит задача распознать эти зашифрованные послания в поведении своей возлюбленной и разгадать ее тайну»* («Закон сохранения горя»). Богатый синонимический ряд

показывает, с одной стороны, глубину содержания концепта, с другой – авторское мастерство выражения смысловых оттенков. Кроме того, при трансляции данного концепта Н. Сергеева прибегает к приему противопоставления тайны реальности: *«сказка оборачивается самой страшной реальностью, потому что выбраться из нее невозможно», «стоит проделать вместе с ним путь от начала до конца хотя бы для того, чтобы научиться видеть за окружающими нас миражами настоящую реальность»* («В пустыне чахлой и скупой»), *«конец “Безбожного переулка”, несмотря на всю его нереалистичность, кажется таким естественным»* («Закон сохранения горя»).

- концепт «преемственность» означает одновременно «передачу опыта прошлого» и «обращение к прошлому в настоящем», «сохранение традиций». Концепт выражается семантическими структурами, предложениями и высказываниями: *«Творчество писательницы Натальи Громовой открывает не одну такую шкатулку, перенося читателей на десятилетия назад», «Их истории выстраиваются анфиладой: отыскав одну дверь, можно найти следующую. Персонажи друг за другом провозжают гостей в еще не изведенные комнаты, где их встречают новые лица, терпеливо ожидающие своей очереди высказаться», «Буквы должны не просто поведать историю, но воскресить ушедших, вернуть из небытия их переживания, горе и любовь»* («Галерея забытых портретов»), *«Герой обладает удивительным талантом сквозь один временной покров видеть другой»* («Дорогу идущим»), *«творчество Марины Степновой — это продолжение традиции, заложенной русскими классиками несколько веков назад», «В романе есть и наследница женских образов Чехова — Маля»* («Закон сохранения горя»).

- концепт «прекрасное» также выражается с помощью слов, близких по значению, само понятие выступает в качестве обобщающего для многих различных характеристик: *«добро и красота не всегда побеждают в жизни, но всегда остаются в вечности», «мир прекрасен в газах невидящего героя»*

(«Дорогу идущим»), «*Грустные истории, говорящие о простых, но очень важных вещах — о том, что каждый человек должен любить и быть любимым*» («Закон сохранения горя»), «*Рассуждения одного из героев о шедеврах живописи — настоящий подарок, невероятно вкусная конфета, взятая тайком до ужина*», «*восхищаться безупречным стилем Тео-рассказчика: образец идеального романного слога, позволяющего в одном слове выразить всю полноту чувств и суть образов*» («Под кайфом и в смятении»).

Таким образом, как специфическое, наиболее предпочтительное средство трансляции концептосферы совокупности текстов рецензий, в работах Н. Сергеевой можно выделить номинации, синонимические ряды, постепенное раскрытие содержания концепта с разных смысловых позиций.

Концепты, которые выражают ценностное содержание текстов Дарьи Облиновой, определяются как философские категории. Небольшое количество рецензий – за исследуемый период на страницах журнала опубликованы три текста автора – так насыщены концептуальным содержанием, что позволяют определить базовые ценностные установки:

- концепт «интересное» - важнейшая характеристика рецензируемых Д. Облиновой текстов. Интересное маркируется автором как положительное, в то время как неинтересное, скучное – не имеющим ценности: «*Однако поклонники головокружительных сюжетов вряд ли дочитают даже первую главу до конца. Есть такие передачи телеканала «Би-би-си», где диктор приятным, но монотонным голосом рассказывает о загадках египетских пирамид или о микробах, живущих в организме человека. Именно этот голос слышится, когда пробегаешь глазами бесконечные названия улиц, станций метро и районов Лондона*» («Добро пожаловать в преисподнюю») – с помощью сравнения рецензент доносит до аудитории не только ассоциации с определенным произведением, но и ценностное содержание концепта. «*Повесть “Непойманный” не содержит размышлений о метафизической боли, но захватывает почти детективным сюжетом*»,

«Надежд на глубокие размышления вслед за первой повестью (несмотря на ее трагическую развязку) не оправдали» («Поворот не туда») – в этих примерах показано, как автор реализует наполнение концепта, а именно с помощью различных характеристик текста показывает, интересен ли он;

- концепт «сакральное» выражен номинациями: *«бесконечное одиночество одинаково будет преследовать нас и среди тысяч безликих пассажиров метро, и по пути в загробный мир» («Добро пожаловать в преисподнюю»)*, *«ни специфический язык, ни предельная откровенность не нарушают сакральности» («Поворот не туда»)*, *«Святость отношений матери и сына возрастает настолько, что именно слово «мама» становится непечатным» («Непечатное слово»)*.

Артем Пудов за выбранный период опубликовал в журнале «Прочтение» только две рецензии, что позволило выделить в его текстах один концепт, имеющий ценностное содержание – оригинальность. Как и «интерес» у Д. Облиновой и К. Букша, концепт «оригинальность» является характеристикой рецензируемого текста, по мнению автора, оригинальное произведение – хорошее, банальное – плохое. Это выражается через противопоставления: роман *«относится к числу произведений на первый взгляд непритязательных, даже “неряшливых”, но по своей сути оригинальных, будто невзначай поднимающих серьезные жизненные проблемы»*, *«способность коротко рассказать о характере героев, не пускаясь в глубокомысленные и отстраненные отступления, и умение наполнить небольшое по объему произведение множеством интересных мелочей свидетельствуют о писательском мастерстве Летельера» («Соп фиосо»)*, *«если удачный реалистический роман привлекает читателей прежде всего интересным сюжетом, проработкой характеров персонажей, то в словесности абсурда все обстоит несколько иным образом»*, *«По законам классической прозы автор начал бы описывать, как главный герой мучительно и долго встает на путь истинный, либо вновь нарушает общественные предписания и садится в тюрьму, где заканчивает свои дни*

в тягостных раздумьях о вечности. Совсем не то происходит в произведении Матей Вишнека» («Хочу в тюрьму»).

Иван Шипнигов воспроизводит в своих рецензиях большое количество ценностных смыслов. Нами были отобраны два концепта, наиболее часто встречающиеся в рецензиях автора. Это:

- концепт «глубина», представляющий собой характеристику рецензируемого текста. Автор не использует слов с корнем *-глуб-*, однако совокупность описываемых их качеств объединяет именно эта сема: *«прозаик Прилепин вступил в славную пору человеческого и творческого расцвета и написал действительно **Большой Текст**», «роман “Обитель” тяжелый, страшный и плотный почти до окаменелости, его надо не читать, а пережевывать могучими, привычными к сырому мясу неандертальскими жвалами», «Автор “Обители” нацелился взять серьезный вес да еще и поставил рядом с собой своего читателя: смотри, не удастся — задавит обоих» («Обитель особого назначения»), «она написала одну, “главную книгу, где сказано, как жить”» («С пушкинской легкостью»).* Концепт раскрывается через противопоставление: *«Если уж вводить в отечественную литературу роман-квест, то всерьез. В конце концов, эта форма очень сложна, и я, дочитав до середины, понял, что это не квест, а плач» («Письма несчастья»);*

- концепт «опыт» используется Шипниговым как аргумент в пользу или против правомерности автора произведения рассуждать на тему, выбранную для книги: *«Мог ли Прилепин писать о лагерной жизни, не проверив ее тяготы опытным путем?», «”Обитель” тяжело читать еще потому, что постоянно пытаешься сравнить воссозданное автором состояние лагерников с тем, что описывали перенесшие это на себе» («Обитель особого назначения»), «Генис показывает пример уникального изменения ума и души при встрече с чужой географией» («Родной космополит»), «Заглавный цикл посвящен семейным и детским воспоминаниям» («С пушкинской легкостью»);*

- концепт «грусть» дополняется автором коннотативным оттенком «светлая грусть»: так, В. Пелевин в рецензии «Только детские книги писать» называется *«грустным, умным, глубоким и тонким человеком»* – номинативный ряд показывает, что грусть соседствует с умом и тонкостью души, *«отчаянная, непоправимая грусть»* сопоставляется с *«самым глубоким и незащищенным человеческим нутром»* («Письма несчастья»). Кроме того, к лексико-семантическому полю «грусть» в рецензиях И. Шипнигова можно отнести слова с корнем -лир-, где понятие «лиричность» входит в содержание концепта «грусть»: *«прекрасная лирическая проза»* («Письма несчастья»), Татьяна Толстая предстает *«лирической, строгой, возвышенной»* («С пушкинской легкостью»).

Проанализировав концептосферу жанра современной литературной рецензии, мы можем сделать вывод о специфике речевого выражения ценностного содержания актуального журналистского арт-текста. Концепты, значит, ценности, присутствующие в интересующем нас дискурсе, принадлежат к традиционным русским ценностям, но осмысливаются каждым автором с современной точки зрения и через призму собственного опыта. Каждый автор использует оригинальный набор речевых средств, с помощью которых доносит до аудитории содержание концепта.

Выделенное нами положение о том, что концепты, транслируемые в исследованных текстах, соотносятся с ценностями, позволяет нам назвать эти концепты аксиологемами. Как отмечено выше, аксиологема – это ценностно актуализированные концепты. Ценностная направленность выражается по двум направлениям: содержательное наполнение, включающее аксиологические категории, и оценочная модальность, проявляющаяся в речевых характеристиках. Содержательное наполнение позволяет отнести выявленные концепты к аксиологически ориентированным в силу их значимости для русской ментальности: понятия «любовь», «интересный», «свобода» и большая часть других, выделенных в изучаемых текстах, несет в себе изначальное ценностное содержание, имеет ассоциативный ряд, который

предсказуем для аудитории. В аспекте речевого выражения данных концептов были выявлены три группы средств трансляции ценностного содержания концептов:

- номинации (прямые номинации: «ум» у К. Букша, метафорические – *«бесконечная череда свадеб и разводов с одним человеком»* в значении «семья» у А. Рябчиковой, собирательные – концепт «прекрасное» у Н. Сергеевой);

- определения значения (речевое выражение концептов представляет собой постепенное уточнение ценности с помощью сравнений, примеров, вводных сюжетов, отсылок к прецедентам, например, концепты «смелость» у Е. Клейменовой, «глубина» у И. Шипнигова, и др.);

- противопоставления (выражение значения ценности через сопоставление ее с антиценностью, например, концепт «оригинальность» А. Пудова и др.).

Многие концепты выражаются в текстах с помощью сочетания приемов из нескольких выделенных нами групп одновременно (так, концепт «тайна» у Н. Сергеевой раскрывается через номинации и противопоставления, и т. п.).

Таким образом, выявленные в текстах рецензий концепты в силу их ценностной актуализации определяются как аксиологемы. Следовательно, содержательное наполнение аксиосферы культурно-просветительского дискурса выражается аксиологемами. В этой ситуации вполне логичным является переход к анализу речевых средств, с помощью которых происходит ценностная актуализация, т. е. средств выражения оценки в текстах рецензий.

2.2 Лексико-синтаксические средства выражения оценки

2.2.1 Оценка в журналистской рецензии

Оценка – неотъемлемая часть творческой деятельности журналиста, характеризующаяся установкой современных медиа на формирование аксиологических представлений массовой аудитории и намерением автора текста показать собственную позицию по объекту оценки.

В философии, гуманитарно-социальных науках и социальной деятельности постоянно происходит процесс разнообразного оценивания феноменов действительности, человеческого поведения, сознания и деятельности, идей и поступков людей. Оценка – выражение взаимодействия объективного и субъективного (действительности и человека). Объективный мир дифференцируется субъектом с точки зрения ценностного характера (добра и зла, пользы и вреда, простоты и сложности, любви и ненависти). Оценка (как факт) выступает проявлением ценности (как сущности), то есть посредством оценок осуществляется познание, представление в сознании ценностей, ценностного бытия¹⁰⁹. В философии оценка рассматривается как «отношение к социальным явлениям, человеческой деятельности, поведению, установление их значимости, соответствия определенным нормам и принципам морали»¹¹⁰.

Во всех гуманитарных дисциплинах, занимающихся изучением оценки, есть представление о двойственности оценки: это и процесс, в результате которого возникает мнение, суждение, и результат, проявляющийся в виде цены, отметки, оценочного суждения. Именно на основе этого факта в психологии оценке отводится центральное место в триединстве функций психики «познание-оценка-действие», потому как оценка включает в себя и настоящее – знание об объекте, и будущее – прогнозирование предстоящих отношений с объектом оценки¹¹¹.

В лингвистике также уделяется большое значение категории оценки. В зависимости от сферы научных интересов и цели исследования, лингвисты при анализе языковых явлений обращаются к различным классификациям оценок, в основу которых заложены различные критерии. Первый –

¹⁰⁹ Бормотов И. П. Обоснование формирования механизма ценностей современной российской молодежи // Известия Тульского государственного университета. 2013, №1. С.10.

¹¹⁰ О ц е н к а // Большой Энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/224578/%D0%9E%D0%A6%D0%95%D0%9D%D0%9A%D0%90>. Дата обращения: 16.03.2016.

¹¹¹ С п и р к и н А . Г . Ф и л о с о ф и я . URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Spirk/index.php. Дата обращения: 16.03.2016.

аксиологическая интерпретация. Два значения аксиологического оператора – «хорошо / плохо» – позволяют в зависимости от знака «+» или «-» выделить два типа оценки:

- положительную (мелиоративную);
- отрицательную (пейоративную, дерогативную)¹¹².

Такая оценка, выражающаяся прилагательными или наречиями со значением *хороший/плохой* называется общей. Этот вид оценки нуждается в мотивировке, для чего служат языковые средства и текстовые приемы, транслирующие частнооценочные значения. Частные оценки бывают сенсорно-вкусовыми, психологическими, этическими, утилитарными, нормативными, эстетическими, идеологическими.

Общие и частные оценки могут интенсифицироваться (например, с помощью наречий «очень», «сильно», восклицательных и вопросительных интонаций и др.) и деинтенсифицироваться (например, с помощью наречий «довольно», «достаточно» и других средств). Кроме того, оценки могут быть эксплицитными, прямо выраженными в тексте, и имплицитными, такими, которые скрыты в тексте.

Немаловажный для данной работы критерий типологии оценки – наличие эмотивного компонента. В зависимости от его наличия или отсутствия оценка бывает

- рациональной (опирается на социальные стереотипы и выражается оценочным суждением);
- эмоциональной (предполагает непосредственную реакцию на объект, характеризуется экспрессивностью)¹¹³.

В медиастилистике одной из ключевых функциональных семантико-стилистических категорий является оценочность, так как несмотря на декларируемую объективность журналистики, текста имеет автора, который проявляет свое отношение к описываемому объекту действительности. Для пояснения вопроса разграничим термины оценка и оценочность. Оценка – это действие субъекта: приписывание положительных или отрицательных свойств тому или иному объекту, выражение отношения к данному объекту.

¹¹² Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002. С. 9.

¹¹³ Карамова А. А. Категория оценки в современном русском языке. Уфа, 2003. С. 6.

Оценочность – это свойство речевой единицы, ее потенциал, способность эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта, его место на оценочной шкале и в аксиологическом пространстве. Оценочность текста также формируется в результате взаимодействия сложной системы текстовых элементов, которые образуют аксиологическое поле (аксиологическую структуру) текста.

В медиастилистике изучаются прежде всего речевые средства выражения категории оценочности. С помощью этих средств журналист презентует свое видение любого явления действительности, в том числе с учетом соответствия этого явления эстетическим представлениям, представлениям о пользе – вреде, добре – зле и т. п.

Оценка как ценностный аспект присутствует в значениях самых разных языковых единиц. Может проявляться

- в элементах меньших, чем слово (аффиксы: *дом – домишко*);
- в прилагательных и наречиях, обладающих огромным разнообразием оценочной семантики (*отличный, ужасный, хорошо, плохо*);
- в наименованиях предметов и действий (*рухлядь, зубоскалить*);
- в пропозициональных структурах глаголов (*расстраиваться, надеяться*);
- в высказываниях («*Алесе́й – приро́жденный повар!*»)¹¹⁴.

Выявление способов и средств, с помощью которых в тексте выражается оценка, является важным не только для понимания самого текста, подтекста, но и для анализа авторских интенций, а также для систематизации суждений об оценке.

Оценка – явление социально обусловленное, поскольку ее дешифровка аудиторией основана на нормах, принятых в обществе. Социальные правила и особенности формируют и деформируют оценочные смыслы. Вдобавок, «в условиях цивилизации образуется целая система способов и средств, предназначенных для увеличения эффективности оценки — кроме качественно специфицированных (политических, юридических и других) норм, в этой же роли выступают теперь идеи и идеалы, правила и стандарты,

---

¹¹⁴ Вольф Е. М. Указ. соч. С. 6-7.

принципы и законы»¹¹⁵. Следовательно, оценка определяется не только субъектом, т. е. тем, кто высказывает оценочное суждение, но и адресатом высказывания, который трактует оценочные коннотации путем «соотнесения с культурными установками (правилами поведения), стереотипами, фоновыми знаниями»¹¹⁶. Таким образом, оценка является социокультурным феноменом, неотъемлемой характеристикой журналистского текста, создаваемой автором текста и расшифровываемой читателем на основе норм, правил, идеалов, ценностных установок.

Потребность читателя в актуальной информации удовлетворяет жанр рецензии, которая призвана ориентировать адресата в информационно-культурном пространстве, вынося собственное суждение о предмете искусства.

Рецензент работает не только с первичной реальностью, но и вторичной, отображенной. Осмысливая и оценивая ее, он влияет на общественное мнение. Рецензент становится проводником смыслов и ценностей, заявленных в произведении, их интерпретатором, комментатором.

По словам А. Г. Бочарова и В. И. Новикова, литературная рецензия является «коренным, опорным образцом»¹¹⁷ для других видов рецензии и «первичным жанром» литературно-художественной критики, «на основе которого формируются более крупные формы»¹¹⁸. Слово «рецензия» латинского происхождения («*recensio*») и в переводе означает «просмотр, сообщение, оценка, отзыв о чем-либо». Рецензия – это «жанр, основу которого составляет отзыв (прежде всего – критический) о произведении художественной литературы, искусства, науки, журналистики и т.п.»¹¹⁹

Гиперинтенция жанра – выражение отношение рецензента к произведению. В

¹¹⁵ Плотников В. И. Оценка // Современный философский словарь. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск. 1998. С. 633.

¹¹⁶ Токарев Г. В. К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филол. науки. 2003, №3. С. 58.

¹¹⁷ Бочаров А.Г. Вопросы литературы и искусства в газете. М., 1979. С. 35.

¹¹⁸ Новиков В. И. Жанр литературной рецензии в современной отечественной прессе// Медиаскоп.2012, №2.

¹¹⁹ Т е р т ы ч н ы й А . А . Ж а н р ы п е р и о д и ч е с к о й п е ч а т и . URL: http://evartist.narod.ru/text2/05.htm#з_11 Дата обращения: 22.03.2015.

отличие от других журналистских жанров, таких как репортаж, заметка, корреспонденция, которые посвящены непосредственным фактам действительности, для рецензии предметом выступает информационный продукт – произведение искусства, научный или журналистский текст и т. п.

Развитие рецензии в России связано с Н. М. Карамзиным, чьи рецензии связаны с методом сентименталистов «критика как суждение изящного вкуса». Затем этот жанр использовался В. Г. Белинским, революционными демократами, для которых литература была тесно связана с социально-политическими основаниями; русскими символистами конца XIX – начала XXвв. Советская эпоха выдвинула свои стандарты жанра. В конце XXв. рецензия прочно обосновалась на страницах специальных литературных изданий и массовых газет и журналов.

Требования, предъявляемые к автору рецензии, обуславливаются задачами жанра. Рецензия призвана просвещать читателя, указывать на то, что может не заметить обыватель. Для этого рецензент должен обладать специальными знаниями и навыками. Кроме того, автор должен подвергать рецензируемый предмет всесторонней оценке, непредвзятому анализу. Однако при этом рецензия не должна уподобляться пересказу, он может органично существовать в тексте, но не являться самоцелью. Рецензия – достаточно оперативный жанр, она является своего рода «откликом» на появление произведения, в частности, литературная рецензия призвана определить место анализируемой книги в современном литературном пространстве. Отсюда выходит, что рецензент должен дать информацию о литературном факте, соотнести его с другими и выразить собственную оценку.

Существует множество подходов к классификации литературных рецензий, в основу каждого из которых положено собственное основание. Так, рецензии разделяют:

- по объёму (большие и мини-рецензии);
- по количеству анализируемых произведений (монорецензии и полирецензии);

- по характеру произведения (рецензии на драматические, эпические и лирические произведения, рецензии на литературоведческие труды, рецензии на критику – т. н. контррецензии);

- по статусу автора (профессиональные, писательские, журналистские, читательские);

- по основной оценочной интенции (хвалебные, разгромные, полемические) и др.

По мнению многих исследователей, современная рецензия претерпевает многочисленные изменения. Так, А. Г. Башкатова выделяет 4 типа современной трансформированной рецензии:

- рецензия-навигатор – издание, помещающее рецензии такого типа, стремится всесторонне осветить литературный процесс, сообщить и сориентировать читателя в книжных новинках. По принципу отбора произведений (по смысловому наполнению и значимости) такие рецензии наиболее близки к традиционным;

- рецензия-фильтр – данный тип носит рекламный, продвиженческий характер, произведение выступает в роли товара, на первый план выступают такие свойства, как степень известности автора, статус бестселлера. Анализируются те книги, которые, в понимании издания, наиболее перспективны или выгодны. Рецензент уделяет большее внимание форме, стилю, нежели идейному и ценностному содержанию текста;

- рецензия-сигнал – тип, близкий к аннотации. Цель такой рецензии – сообщить о книжной новинке и дать поверхностную оценку, не углубляясь в аргументированный анализ произведения;

- рецензия-стимул – данный вид может включать элементы художественно-публицистических жанров, тяготеет к жанру эссе. Произведение стимулирует рецензента к рефлексии о темах, выходящих за рамки анализируемой книги. В данном типе на первый план выходит идейное содержание и ценностное наполнение, провоцирующее полемику. Обладает

наиболее размытым принципом отбора, может подвергать анализу любое произведение, представляющее интерес для рецензента или издания¹²⁰.

Однако, традиционно выделяемый жанр рецензии, как замечают многие исследователи, отличается от аннотации и анонса, цель которых – оповестить аудиторию о новом культурном явлении и сориентировать читателя в дискурсе. Рецензия помимо оповещения и ориентирования занимается осмыслением новых художественных ценностей, выносит аргументированную оценку произведению. Отличается рецензия и от литературно-критической статьи. Функция рецензии – стимулировать аудиторию к рефлексии о рецензируемом предмете. Статья расширяет рамки анализа, она призвана информировать аудиторию о дополнительных аспектах и последствиях освоения новых произведений, вызвавших общественный резонанс.

Вышеотмеченные особенности характерны и для других видов рецензий, существующих в культурно-просветительском дискурсе, например, для кинорецензии. В этом типе текстов, как отмечает Э. Ю. Гаранина, категория оценочности актуализируется на всех языковых уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом, композиционном. «Набор способов выражения оценочности индивидуален и зависит от установок, целей, адресата кинорецензента. Оценочные высказывания позволяют кинорецензии осуществлять функции информирования, просвещения, оценки, воздействия и рекламы»¹²¹. По мнению исследователя, проявления оценки в жанре кинорецензии связано не только с индивидуально-авторским восприятием киноискусства, но и с национальной картиной мира, выраженной через нормы, идеалы, ценностные установки. Это подтверждает высказанный выше тезис о социальной обусловленности оценки в журналистских текстах, ее дискурсивной определенности.

---

¹²⁰ Башкатова А. Г. Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры. Автореф. дисс. канд. филол. н. М., 2013.

¹²¹ Гаранина Э. Ю. Оценочность в жанре кинорецензии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013, №2. С. 31.

Согласно проанализированным работам, основными структурными элементами рецензии являются: 1) сообщение о произведении, его авторе, названии, месте и времени выхода в свет (*информационный компонент*); 2) сообщение о сюжете произведения (*пересказ*); 3) интерпретация, разбор, анализ содержания и формы (важный элемент рецензий – цитата) и оценка произведения (*оценочный компонент*); 4) рекомендация читателю (иногда писателю). Таким образом, можно определить три важнейшие функции литературной рецензии: рекомендательная (рекламная), аналитическая и аксиологическая (оценочная). Изучению проявления в тексте рецензии последней, аксиологической функции, посвящена данная работа.

На основе вышеизложенного выведем методику анализа проявления оценки в тексте рецензии:

- 1) анализ проблемно-тематического единства текста;
- 2) выявление особенностей выражения оценки в сильных позициях текста (заголовок, начало, заключение);

- 3) анализ каждой из структурных частей рецензии на предмет наиболее предпочтительных для автора средств выражения оценки:

- 3.1) информационная часть;

- 3.2) пересказ;

- 3.3) оценочная часть:

- 3.3.1) выявление и анализ речевых средств выражения оценки;

- 3.3.2) определение специфических особенностей;

- 3.4) рекомендательная часть.

2.2.2 Дискурсивная система оценочных средств

Подробный анализ 93 рецензий, опубликованных в онлайн-журнале «Прочтение» за 2014 г. показал, что средства выражения оценки в исследуемых текстах делятся на две группы: дискурсивные, которые относятся ко всем или практически всем текстам и индивидуально-авторские, присущие одним рецензентам в большей степени, чем другим.

Дискурсивные средства определяют речевой облик литературно-критического издания. От них зависят качественные характеристики журнала, поскольку оценка является формообразующей категорией жанра

рецензии и демонстрирует политику редакции в отношении взаимодействий с литературными произведениями.

Нами было определено, что рецензии, опубликованные в онлайн-журнале «Прочтение» можно отнести к традиционным. Они обладают такими необходимыми для рецензии в классическом понимании свойствами, как аналитичность, диалогичность, оценочность. На наш взгляд, это является результатом работы редакционного коллектива, что позволяет причислить эти особенности к числу дискурсивных. Подробное рассмотрение средств, которые позволяют рецензиям сохранить вышеперечисленные качества, поможет определить, как в процессе оценки формируется ценностное содержание культурно-просветительского дискурса.

Руководствуясь изложенной в параграфе 2.2.1 методикой, обратимся к заголовкам. Нами было выявлены следующие виды заголовков:

- наиболее частотный - трансформированный или прямой прецедентный текст: «Отчаявшаяся домохозяйка», «Двадцать с лишим лет под водой», «На золотом крыльце сидели» и т. д. Это говорит, во-первых, о высоком уровне мастерства авторов журнала, умеющих применить прецедент уместно, интересно, так, чтобы привлечь внимание. Во-вторых, это сигнализирует о том, что авторы знают свою аудиторию и представляют ее интеллектуальный уровень, поскольку дешифровка трансформированного текста требует определенных знаний и способностей. Такие заголовки способствуют увеличению количества коннотаций, а соответственно ярче демонстрируют ценностную направленность всего текста;

- наименее частотный, менее 20% от общего числа заголовков – информативный тип: «Александр Попов. Дневник директора школы», «Кристине Нестлингер. Новые рассказы про Франца и школу» и др. Такие заголовки используются в культурно-просветительском дискурсе редко в силу того, что обезличенная передача информации не является задачей текстов этого типа.

Кроме того, было выявлено, что заголовки могут приобретать дополнительную мотивировку своего значения в тексте, причем в основном в финальной части.

Следующий шаг – анализ сильных позиций текста. Было выявлено, что рецензии меньше чем в половине случаев начинаются с информативного компонента, т. е. по модели «В издательстве N вышла книга “А” автора В». Часть рецензий начинается с вводных сюжетов, личных историй авторов, часть – с сообщения каких-либо фактов об авторе и его произведениях. Финальная позиция практически во всех рецензиях выражает главную оценку произведению, «лейтмотив» рецензии. Авторы стремятся подвести итог и дать совет читателю, простимулировать его прочитать книгу самостоятельно или уберечь от бесцельной траты времени. Зачастую финальная часть совпадала с рекомендательной.

В большинстве рецензий пересказ также содержит средства выражения оценки, однако чаще в этой части текстов она проявлялась имплицитно.

В наиболее информативном в рамках данного исследования компоненте рецензии – оценочном – оценка представлена очень широко. Авторы прибегают ко всем существующим средствам без каких-либо ограничений, основываясь только на индивидуальных предпочтениях. Были встречены все типы частных оценок, у разных авторов с разной частотностью.

Общая оценка была выявлена не так часто, что говорит в пользу тезиса об аргументированности рецензий, поскольку общая оценка нуждается в уточнении. Частная оценка тоже не может быть безусловной, и в тех случаях, когда оценочные суждения могли бы быть подвергнуты сомнению, авторы приводят мотивировки.

Характерным для издания является большое количество цитат из рецензируемых книг. Так как в журнале есть отдельная рубрика «Отрывки», где читатель может ознакомиться со стилем произведения, слогом автора, заинтересоваться сюжетом, то в рубрике «Рецензии» цитаты выступают в качестве аргументов для подтверждения оценочных суждений, выносимых авторами журнала.

Большую часть оценочных высказываний в изученных текстах можно отнести к эмоциональным. Однако в жанре литературной рецензии наблюдается некий «сплав» эмоционального и рационального оценивания, где одно высказывание может сочетать оба компонента: *«В цикле “С народом” и “Может быть, свет” — точные и глубокие диагнозы русскому национальному характеру, времени и пространству»* (И. Шипнигов «С пушкинской легкостью»). Определения романа, с одной стороны, несут рациональную характеристику – *точные, глубокие*, с другой – метафоричны, уподобляются *диагнозу*. Такое двуединство рациональной и эмоциональной оценкой, а также их активное взаимодействие, когда рациональный тезис подтверждается эмоциональными аргументами, и наоборот, обуславливается особенностями культурно-просветительского дискурса. Он направлен на передачу знаний, ориентирование в культурном пространстве, оценку предметов культуры (рациональная составляющая) и в то же время эти тексты относятся к журналистике досуга, где эмоциональный компонент играет значительную роль.

Дискурс имеет большое влияние на систему оценивания первичных источников в жанре рецензии. Он определяет общую цель критики – просвещение, и задачи, с помощью которых критические тексты достигают этой цели – анализ и оценка. Соответственно, от дискурса зависит характер коммуникации в сфере критики, в том числе в жанре литературной рецензии. Он закладывает традиционные правила функционирования жанра и определяет вектор развития под воздействием внешних факторов современного мира. Пренебрежение этими правилами может привести к исчезновению читательского интереса, дезориентированию аудитории, утрате уникальных способов диалога с читателем, скрытых в различных жанрах. Грамотная работа редакции с дискурсивной спецификой системы оценочных средств, представленная в журнале «Прочтение», демонстрирует сохранение и развитие традиционных особенностей российской критики, направлена на удовлетворение интересов аудитории и ведет к просвещению читателя,

становлению осознаваемой, выраженной системе ценностей в сознании массовой аудитории. Однако, несмотря на дискурсивную predeterminedность формы выражения, оценка в каждом тексте производится конкретным рецензентом, которые имеет собственные вкусы, предпочтения и взгляды на литературный процесс. Это позволяет выделить в системе оценочных средств группу индивидуально-авторских.

2.2.3. Индивидуально-авторские средства выражения оценки

В данной работе с помощью приведенной в первой главе методики были проанализированы 93 рецензии. На примере рецензии И. Шипнигова «Только детские книги писать» на «Любовь к трем цукербринам» В. Пелевина показано, как проходил анализ¹²².

При рассмотрении стилистического единства текста наблюдается синтез фрагментов рецензируемой книги, пересказа и оценки критика. Такой прием создает видимость эмоциональной спонтанности, показывает крайнюю взволнованность критика и его глубокую погруженность в произведение.

Рассмотрим проявление оценочности в заголовке. На первый взгляд, высказывание «*Только детские книги писать*» несет отрицательный оттенок. Но истинный смысл этого оценочного высказывания раскрывается только при знакомстве с контекстом. Причем, в финальной части текста автор предлагает мотивировку нового смыслового содержания оценочного высказывания, вынесенного в заголовок: он уточняет, что писатель наконец-таки пришел к концепту надежды, просветления – и теперь может уже ничем не дополнять

---

¹²² Данный выбор обусловлен следующими факторами:

- И. Шипнигов является постоянным автором журнала «Прочтение»: из 41 рецензии 5 – за его авторством;
- является литератором, в 2009 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «малая проза» со сборником короткой юмористической прозы «Рассказы о Земфире, поклонниках и рыбаках», в 2012 году вошел в лонг-лист премии в номинации «малая проза» с циклом рассказов «Чудеса»;
- рецензируемый автор, Виктор Пелевин, является одним из самых популярных современных российских писателей, его стиль узнаваем, выход новой книги является важным событием в литературной среде.

свои слова, теперь – только извлечение пользы из этого просветления. Ценностное значение приобретает положительную коннотацию.

Информационная часть рецензии представлена оценочным суждением: *«Виктор Пелевин создал очень мрачную и вполне традиционную для «себя последнего» книжку. Отмеченное многими рецензентами отставание от трендов, мемов и примет современности в «Цукербринах» настолько вопиюще для автора, как бы выпускающего ежедневную газету раз в год, что кажется намеренным, — но тогда непонятно, зачем вообще какая бы то ни было привязка к современности»*. Здесь проявляется эмоциональное возбуждение критика, стремление воздействовать на читателя каждым словом, неприятие «сухой информации», фактически отсутствующей во всем тексте.

Пересказ также крайне эмоционален и изобилует проявлениями оценки: *«По сюжету сисадмин Кеша, работающий в офисе сайта Contra.ru (невероятно остроумный намек), троллит знакомых в «Фейсбуке» насчет Украины; <...> наконец, виртуальная реальность захватывает нас по полной программе»*.

Непосредственно оценочный компонент рецензии представлен тремя типами высказываний:

1) оценка произведений литературных критиков: автор (И. Шипнигов) указывает *«лучшую аннотацию»*, написанную *«хорошим человеком»*, а сам в свою очередь отмечает, что *«удержаться от хамоватого тона в отзыве на новую книгу моего самого любимого писателя я не могу из-за горькой обиды»*. Оценочность в этом текстотипе выражается эпитетами вида «хороший-плохой».

2) Оценка В. Пелевина: автор называет писателя *«грустным, умным, глубоким и тонким человеком»*, *«как бы выпускающим ежедневную газету раз в год»*, сравнивает его с его же персонажем – писатель *«заслуживает сострадания: жук-скарабей, обреченный вечно катить перед собой свой круглый навозный Йа»*. В данном случае, кроме эпитетов, используются

развернутые метафоры. Семантика оценки – грусть, разочарование, недовольство.

3) Оценка непосредственно книги: в этом текстотипе также преобладают эпитеты: *«сорок страничек такой неожиданной, простой и чистой красоты»*, *«трогательная детсадовская наивность заключительной главки <...> самый желчный и мрачный писатель современности написал ее совершенно всерьез»*. Помимо этого, мы сталкиваемся с иронией как средством трансляции негативной оценки под видом одобрения: *«пробивает на слезу, если вдуматься»*, *«невероятно остроумный намек»*, *«я сам не сразу догадался»*, *«прозорливо и увлекательно, сил нет»*.

В целом, по оценочному компоненту рецензии следует отметить бескомпромиссность, резкость суждений автора, дерзость. Это может быть обусловлен индивидуально-авторской стилистикой. В пользу этого утверждения говорит цитата из другой рецензии И. Шипнигова: *«Захару Прилепину выпал большой фарт — написать такой роман. Теперь можно и перекантоваться»*¹²³. Мы видим, что и в другом издании И. Шипнигов сохраняет провокационный настрой, «играет» со стилистической нормой в пользу разговорного стиля с целью, во-первых, достижения эффекта «приближения» к читателю, во-вторых, «разрыва шаблона» (читатель не ожидает, что в рецензии в литературном журнале встретятся слова «фарт» и «перекантоваться»)¹²⁴.

Также такие особенности средств выражения оценки могут быть обусловлены рецензируемым произведением – постмодернист Пелевин сам отличается дерзостью и провокационностью, избытком эмоциональных проявлений оценки, которые в своей работе передает И. Шипнигов.

Проанализированный текст заставляет нас сделать вывод о том, что в жанре рецензии категория оценочности, кроме наиболее традиционного

¹²³ И. Шипнигов «Обитель особого назначения» // Журнал «Прочтение», 15.04.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27562>. Дата обращения: 01.02.2016.

¹²⁴ «Разрыв шаблона» - психологический прием, представляющий собой целенаправленное нарушение ожиданий аудитории. Используется как манипулятивная техника. (Романин А. Н. Практическая психология и психотерапия. Учебник. М., 2013. С. 572).

средства ее выражения, которым является эпитет, может быть выражена метафорами, иронией и высказываниями, семантика которых восстанавливается из контекста. Среди специфических особенностей следует отметить чрезмерную эмоциональность автора, провокационный и недовольный характер высказываний (в том числе ироничных) и в целом избыточное присутствие проявлений оценочности. Это объясняется стилистикой автора, рецензируемым произведением и редакционной политикой, поощряющей проявление яркого личного мнения авторов.

Указанные выше особенности мы можем отметить в четырех других рецензиях И. Шипнигова. Это «Родной космополит» на книгу А. Гениса «Космополит. Географические фантазии», «С пушкинской легкостью» на сборник «Легкие миры» Т. Толстой, «Обитель особого назначения» на книгу «Обитель» З. Прилепина и «Письма несчастья, или Инструкция по прочтению романа» на книгу Д. Быкова «Квартал. Прохождение». Прослеживается тенденция к рассмотрению И. Шипниговым произведений самых значительных фигур современного отечественного литературного процесса. Однако, несмотря на положительные оценки литературных деятелей (так, Т. Толстая – *«лирическая, строгая, возвышенная»*, З. Прилепин *«вступил в славную пору человеческого и творческого расцвета»*), ироничные замечания позволяют читателю догадаться, что автор скептически подходит к рецензируемым произведениям. Так, в трех рецензиях из пяти встречается ироничный фрагмент, заканчивающийся фразой *«Нет, серьезно»*. А в рецензии на произведение Д. Быкова И. Шипнигов открыто выражает свою оценку: *«Это самая странная книга, которую я когда-либо держал в руках»*, *«Эту книгу тяжело читать»*. Однако, одна из пяти рецензий – «Космополит. Географические фантазии» представляет собой положительный отзыв. В этой рецензии он выражает свое отношение к писателю через одобрение его действий: *«Генис показывает пример уникального изменения ума и души»*, *«чего стоит этот свежий взгляд и горячее внимание, которое писатель равными порциями, никого*

*не обижая, распределяет между почтенными развалинами цивилизий, всеми встреченными по дороге людьми и увиденной во время плавания рыбой». Складывается впечатление о И. Шипнигове как об интеллектуале, развенчивающем образцы популярной литературы и превозносящем литературу интеллектуальную. Автор сам высказывается в пользу такого утверждения – «Пожалуй, у всех авторов, за исключением Пелевина, тиражи изданий небольшие. Уверен, что творчество такого **штучного писателя, как Генис, нужно умножать до бесконечности**».*

Напротив, в рецензии А. Рябчиковой «Народ и воля» на роман К. Букша «Завод “Свобода”» Д. Быков появляется в роли (в «маске», если использовать терминологию Г.Я. Солганика) «мэтра». К. Букша заявлена журналом как именитый литератор – обозреватель издания, и неудивительно, что рецензия носит чрезмерно хвалебный характер, зачастую не подтвержденный аргументами. *«Ни разу не входив в число лауреатов литературных премий, она в начале своего пути была опекаема **именитыми авторами, блистательными стилистами Александром Житинским, Дмитрием Быковым и Леонидом Юзефовичем**»* - и вот уже Д. Быков, прежде названный И. Шипниговым *«тяжелым автором»*, становится *«блестящим стилистом»*.

Такое расхождение можно объяснить двумя факторами: идеалистическим – А. Рябчикова и И. Шипнигов, как разные авторы, имеют разный взгляд на творчество Д. Быкова, а журнал является исключительно площадкой для выражения мнений рецензирующих, и критическим – для подтверждения авторитетного статуса «именитого» литературного обозревателя «Прочтения» все средства оказываются хороши.

Особого внимания заслуживает заголовок данной рецензии: «Народ и воля» одновременно отсылает читателя к афоризму «Один народ и воля в нас едина» и к движению «народовольцев», которое возникло из организации «Свобода или смерть», что ярко выражает основную мысль рецензии. Для А. Рябчиковой характерно проявление авторской позиции в заголовке: «Хор

оглашенных» демонстрирует авторское неодобрение «чрезмерной громкости» в то же время вызывая ассоциации с «Литургией оглашенных», что открывает религиозный подтекст произведения. *«Извлечение камня глупости»* – название не только рецензии на книгу Е. Чижовой, но и картины Босха, с персонажами которого рецензент сравнивает героев книги. Заголовки связаны с прецедентными текстами (представляют собой трансформированные тексты, цитаты, аллюзии), однако эти тексты не являются общеизвестными. В связи с этим возникает двойственная специфика заголовков, используемых данным автором: в широком смысле, они проявляют авторское отношение к рецензируемому произведению, для более узкого круга читателей они являются элементом интертекстуальности, своего рода «образцом» интеллектуальной оценки.

Следует отметить, что наиболее распространенным средством выражения оценки в рецензиях А. Рябчиковой являются метафоры: *«исполняя в воздухе сложную фигуру (как правило, петлю), автор приземляется точно на колеблющийся канат, удерживаясь от низвержения в бездну пошлости»* (о М. Кучерской, рецензия «Хор оглашенных»), *«подобно старику-садовнику из предыдущего романа «Эдем», Илья Бояшов заточает персонажа в просторную и ладно сколоченную клеть, обрекая на неистовое и, увы, бездумное шатание из угла в угол»* («Удушье»), *«роман-новобранец был признан критиками годным для службы Богу и Отечеству и отправлен в, без сомнений, горячие точки мира — листы номинантов на главные литературные премии»* («Порох для огня»). Такие средства выразительности помогают наглядно представить замысел автора рецензии. Вообще, в работах А. Рябчиковой очень ярко выражается категория автора: так, в рецензии «Хор оглашенных» она приводит случай, произошедший с ней в книжном магазине (*«Едва ли стоило говорить ей, что это жутко громко и запредельно близко»*), в рецензии «Народ и воля» вступает в диалог с писателем (*«...Свобода!» — откликаюсь я автору*) и т.д. Для данного рецензента в целом несвойственна односторонняя оценка, она отмечает как

положительные, так и отрицательные стороны: в рецензии «Хор оглашенных» она отмечает *«писательскую честность»* Майи Кучерской и *«степень ее близости к читателям»*, но открыто говорит: *«ни в жизни, ни в произведениях искусства я не люблю смотреть на то, как люди балансируют на грани эмоционального срыва»*. Признает, что *«воспринимать всерьез новую повесть Андрея Волоса совершенно невыносимо»*, однако выделяет его как *«блистательного стилиста»*, который изобрел *«собственный птичий язык»* («На птичьем языке»). А. Рябчикова демонстрирует качественно проведенный всесторонний анализ положительных и отрицательных сторон книги.

Творческий тандем двух редакторов журнала – Анны Рябчиковой и Анастасии Бутиной – опубликовал рецензию на сборник «Русские женщины: 47 рассказов о женщинах» «Удар в ребро», которая является ярчайшим образцом критики в обывательском понимании как выявления и осуждения негативных моментов. Отрицательная оценка начинается с заголовка: *«удар в ребро»* – игра слов, основанная на устойчивом выражении «ударить под ребро» и легенде, что женщина создана из ребра мужчины. Таким образом, заголовок рецензии о книге, посвященной женщинам, расшифровывается как «удар по женщине», что демонстрирует читателю характер недовольства и возмущения.

Начало рецензии – информационная часть – стилистически нейтрально. Однако уже со второго абзаца начинает проявляться оценочный компонент непосредственно в тексте: *«Однообразно мрачные, душные, тягостные тексты сборника составили неприглядный контраст с реальностью»*. Авторы используют весь комплекс оценочных средств: *«одинокие, неухоженные, как правило, распутные, брошенные (значит, заслужили!) героини»*, *«невольнo начинаешь подозревать писателей в намеренном опoшлении ситуации и даже в жестокой мести женскому полу»* (эпитеты), *«сшитые листы с бледным подобием выдавленного на них текста»*, *«каждая история вызывала однозначную реакцию тихого ужаса»*, *«по*

содержанию он являет собой **бред воспаленного сознания**», «чтение же подобных рассказов вполне может вызвать **эмоциональную перегрузку**» (оценочная лексика и синтаксис). Как мы упоминали выше, А. Рябчиковой присуще сильное проявление авторского «я» в контексте сопереживания героям и автору, но в данном случае она не добавляет вводных сюжетов, не делится личным опытом «отношений» с книгой. В финальной фразе рецензенты еще раз обозначают свою позицию и выражают надежду, что составители выполнят свое обещание больше не выпускать книг данной серии: *«главное, чтобы они не поддались искушению его нарушить»*.

А. Бутина вторично использует метафору «удар», но уже в рецензии с другим интонационным оттенком («(У)дар судьбы») на книгу-комикс «Стигматы» Л. Маттотти и К. Пьерсанти. Заголовок здесь представляет собой языковую игру: стигматы причиняют главному герою множественные страдания и проблемы (удар) и одновременно ведут его на путь просветления (дар). Произведение является комиксом на тему, тесно связанную с религией, и оценочные суждения автора обогащаются духовной патетикой: это комикс о *«духовном грехопадении и прощении»*. Автор восхищается рецензируемым произведением: *«"Стигматы" — это история одной души, рассказ о превращении зверя в человека, о даре, но не о проклятии, о говорящем молчании и о снах, в которых является Он»*.

Отметим, что значительная часть рецензируемых произведений – 5 из 12 – принадлежат к жанру «графический роман». Автор отмечает специфические характеристики таких текстов: *репортажный характер делает их бесценными* («Тропы»), *«картинки – подсказки в литературном квесте»* («Тик-так-бумм!»), *«не просто картинки, но фактический материал»* («История одной болезни»). Изображение отождествляется со словом, берет на себя его функции, само становится «рассказом»: *«"Стигматы" — это история одной души, рассказ о превращении зверя в человека»* («(У)дар судьбы»), *«Графический роман "Голубые таблетки" -*

это основанный на реальных событиях рассказ о неизлечимой болезни» («История одной болезни»).

Предметом речи определяется авторский лексикон и синтаксис. Это свидетельствует о глубокой погруженности А. Бутиной в рецензируемый текст. Такое глубокое погружение встречается, например, в рецензии А. Бутиной «Вариации на тему жирафов и слонов» на книгу М. Фрая «Ветры, ангелы и люди». В рецензии, как и в книге, человеческий мир переводится в мир животных, Макс Фрай именуется *«сэром»*, а скрывающаяся за этим псевдонимом С. Мартыничик – *«странной доброй феей»*. Рецензия похожа по жанровым характеристикам больше на философское эссе, как и рецензируемая книга, насыщенная притчами.

Еще одно доказательство мастерства А. Бутиной – рецензия «Том о Джерри», о комиксе А. Шпигельмана «Маус». Заголовок расшифровывается по мере погружения в текст рецензии, когда читатель узнает, что мыши – это евреи, пребывающие в концлагерях, а коты – это немцы. Однако автор не называет Шпигельмана нацистом, доверяя ему роль кота Тома. Она говорит о возможности подняться «над» историей: *«Форма государственного правления под кодовым названием «Скотный двор» не выдержала проверки на прочность, «Маус» теорию только подтверждает»*.

Рецензент выражает следующую оценку книги: *«"Маус" тиражом в 2000 экземпляров разошелся как горячие пирожки в пригородной электричке в морозный день», «трагичнейший период мировой истории предстанет перед владельцем книги как на ладони, а от реальности и биографичности описываемого сердца будет биться тише положенного»*. Однако автор рецензии часто углубляется в аспекты, не относящиеся ни к непосредственно тексту, ни к его оценке, примеры тому – вступительный пассаж об издательстве «Корпус» и треть рецензии, посвященная особенностям перевода речи персонажей на русский язык. Вероятно, эти компоненты показывают увлеченность рецензента логикой

литературного процесса. Эта увлеченность оказывает решающее влияние на творческую индивидуальность критика.

Как специфическое средство выражения оценки можно выделить использование риторического приема «обращение (апелляция) к авторитету». Так, в рецензии «Скороговоры за жизнь» на книгу «Три грустных тигра» Гильермо Инфанте текст предваряет эпиграф – ироничное высказывание А. Аствацатурова о ненужности чтения. В самой рецензии также встречается мнение Аствацатурова уже о «главной задаче литературы». В данном случае обращение к личности, известной и любимой аудиторией, является средством трансляции и мотивации положительной оценки.

Обращение к мнению авторитетных литераторов является характерной чертой жанра литературной рецензии. Этот прием является наиболее частотным у Н. Сергеевой: так, роман «Безбожный переулочек» *«необыкновенно похож на произведения Чехова»* («Закон сохранения горя»), роман «Щегол» *«имеет много параллелей с творчеством Достоевского»* («Под кайфом и в смятении»). Также к нему прибегает Е. Васильева, отмечая в сборнике «Харбинские мотыльки» стилистические ассоциации *«с Федором Достоевским и Андреем Белым, Луи-Фердинандом Селином и Джеком Керуаком»* («Экстимация души»). Сравнение используется рецензентами как средство трансляции оценки и авторов, и произведений. Такой прием ярко выражает отношение к рецензируемому произведению, однако смысл будет правильно расшифрован читателем только при общности исходных культурных установок: аудитория должна не только знать Достоевского и Селина, но и понимать их значение в мировой литературе.

Н. Сергеева и Е. Васильева прибегают еще к одному общему средству выражения оценки. Для того чтобы подчеркнуть важность рецензируемого произведения и его места в современном литературном процессе, авторы упоминают о премиях, на которые книга номинирована или которые уже получены автором. Причем, для Н. Сергеевой этот аспект оказывается одним из основных, в зависимости от отношения рецензента к произведению, это

упоминание помещается в сильную или слабую позицию в тексте: рецензия «Повелительница мух» начинается фразой *«Имя Анны Старобинец вновь украшает список “Национального бестселлера”»*, а в рецензии «Галерея забытых портретов» Н. Сергеева без эмоций отмечает, что *«два произведения писательницы, объединенные под одной обложкой, попали в короткий список “Русского Букера”»*. Е. Васильева связывает упоминание о премиях с предыдущими заслугами автора: *«Вошедший в этом году в длинный список “Русского Букера”, до этого Шульпяков был награжден в 2000 году премией “Молодежный Триумф” как поэт (сборник «Щелчок»), а в 2005 году премией “Действующие лица” как драматург (пьеса “Пушкин в Америке”)*» («Нелинейное чтение»). В отличие от Н. Сергеевой, использующей данное средство выражения оценки для трансляции своего отношения к рецензируемому произведению, Е. Васильева передает с его помощью отношение к писателю.

Для Н. Сергеевой характерно использование интенсифицированных оценок: *«“Возвращение в Панджруд” — настоящий сундук с сокровищами»* («Дорогу идущим»), *«сказка оборачивается самой страшной реальностью»* («В пустыне чахлой и скупой»), *«необыкновенно трогательная история жизни Григория и Матрены»* («Русская сага о былом»). Это направлено на усиление оценки, выражение глубокой эмоциональной вовлеченности рецензента и его стремление передать это эмоциональное состояние аудитории.

Следует отметить рецензию Е. Васильевой «Сказка о потерянном времени» на книгу А. Макушинского «Пароход в Аргентину». В этом тексте рецензент использует широкий арсенал средств выражения отрицательной оценки. Заголовок имеет три толкования: ассоциация с популярным одноименным мультфильмом по пьесе Е. Шварца о детях, из-за попусту растраченного времени превратившихся в стариков; аллюзия на сагу «В поисках утраченного времени», с которой рецензент сравнивает книгу в заключении; наконец, прямое значение, являющееся главной мыслью

рецензии: чтение этой книги – пустая трата времени. Уже в первом абзаце писателе Е. Васильева говорит следующим образом: он *«не стесняется работать, руководствуясь лишь одним принципом “искусство ради искусства” и абсолютно не считаясь с такими критериями, как ясность текста, доступность его пониманию читателя; и даже — интересный сюжет»*. Оценочность здесь проявляется в пропозициональной структуре глаголов и усиливается с помощью частиц *«лишь»*, *«даже»*. Сама книга оценивается рецензентом с помощью сравнения: она могла бы *«стать отличным поводом для пари: кто добрался до последней страницы, тот и выиграл»*. Для анализа произведения вводит персонажа *«умный читатель»*: *«умный читатель чувствует, что подобное издевательство вполне обоснованно»*, *«умный читатель хочет лишь одного: тишину, кресло, плед и концентрацию на книжке»*. Однако рецензент подчеркивает, что таких *«умных читателей»*, которым понравилось бы произведение, существовать не может: *«в некоторой степени этот “Пароход в Аргентину” проще было написать, чем прочитать...»* В конце рецензии Е. Васильева подытоживает сказанное, ее оценка эксплицитна: *«Если “Пароход в Аргентину” когда-нибудь войдет в школьную программу, то наверняка пополнит список произведений, которые школьникам хотелось бы из нее исключить»*. В этой рецензии аргументированно выражена отрицательная оценка, Е. Васильева, прибегая к различным средствам проявления оценочности, доказывает свою точку зрения и пытается своего рода *«уберечь»* читателей от траты времени на произведение.

Широкий набор средств выражения оценки использует и другой рецензент журнала – Е. Клейменова. В ее рецензиях встречаются эпитеты: *«каждая статья здесь обстоятельна, самостоятельна»* (*«Двадцать с лишним ле под водой»*), *«неторопливая сюжетная линия»* (*«Несчастны по-своему»*); метафоры: *«герой академического текста»* в значении *«аспирант»* (*«Совсем другие люди»*), *«автор проверяет, могут ли дети снова пойти за крысоловом»* (*«Тот, чье имя нельзя называть»*); лексика с оценочным

значением: «*волнующие ароматы хвои и дыма* заменяются более реалистичным *зловонием*» («Охота на свободу»); чаще встречаются сравнения: «*Тексты словно просеиваешь, выскивая в куче песка золотые искорки*» («Несчастливы по-своему»), «*Рассказ об отплывающих из Ялтинского порта кораблях напоминает фильм “Служили два товарища”*» («Совсем другие люди»). Специфическим приемом для Е. Клейменовой, как и для А. Рябчиковой, являются вводные сюжеты из собственного опыта, им уделяется значительное место в текстах: так, в рецензии «Двадцать с лишним лет под водой» такие фрагменты занимают более половины объема всего материала, в рецензии «Охота на свободу» вводный сюжет (рассказ о брате Е. Клейменовой, вернувшемся из тайги, как и главный герой книги) заключен в одном абзаце, однако он расположен в ключевой позиции финала, подытоживает весь текст. С помощью таких фрагментов автор актуализирует смыслы, заключенные в рецензии, перемещая их из литературного процесса в повседневную реальность. Также важным средством выражения собственного отношения к рецензируемым книгам для Е. Клейменовой являются заголовки. Представляя собой своего рода «ответы» на названия анализируемых книг, они в то же время выражают авторскую оценку: заголовок «Несчастливы по-своему» на книгу «Слишком много счастья» показывает такую позицию автора: «загадочная североамериканская душа», при всей внешней непохожести на русскую, имеет с ней много общего, как показано в книге. Заголовок «Совсем другие люди» на книгу «Совсем другое время» позволяет определить такую авторскую мысль: эта книга рассказывает о людях, показывает их «как альбом со старыми фотографиями». Можно сделать вывод о том, что для Е. Клейменовой заголовки являются самым важным средством выражения оценки, раскрывающим одновременно авторское отношение к анализируемому произведению и главную мысль рецензии.

К различным видам заголовков прибегает в своих рецензиях В. Ерофеева. Тексты, опубликованные ею в январе и феврале 2014г., носят

информативные заголовки, называются так же, как рецензируемые книги: «*Кристине Нестлингер. Новые рассказы про Франца и школу*», «*Тонино-невидимка*». В семи рецензиях, опубликованных в последующие месяцы, заголовки представляют собой трансформированные прецедентные тексты: «*На золотом крыльце сидели*» на книгу Л. Маркиной «*Исторические сказки*» – в качестве заголовка выступает общекультурный прецедентный текст, «*Красивое и гнется*» на «*Полеш открывает музей*» О. Юнсена – прецедентный текст взят из анализируемого произведения. Переход от информативных заголовков к заголовкам, привлекающим внимание, использующим прецедентные тексты, ведет к появлению оценочного компонента уже в начале чтения рецензии, сигнализирует об увеличении личной вовлеченности автора в процесс оценивания произведения.

В этом аспекте продуктивным будет обращение к последнему за 2014 г. материалу В. Ерофеевой «*Winter is coming, или Чем занять детей в новогодние каникулы*». Это обзорная рецензия, т.е. рецензия, включающая анализ нескольких книг, в данном случае посвященных играм с детьми. В качестве заголовка выступает прецедентный текст, обладающий в тот период огромной популярностью у пользователей интернета, знающих о сериале «*Игра престолов*». Такой заголовок имеет большой рекламный потенциал, однако не содержит оценочного компонента. Также можно охарактеризовать рецензию: важнейшая оценочная часть ослаблена в пользу усиления функции продвижения.

Каждая из пяти мини-рецензий построена по одному принципу: автор, название, возможные способы применения книги (раскрасить, помять, провести по ней экскурсию), положительные отзывы, например: «*Редкий случай моей родительской любви к книге, посвященной играм с детьми*». Аналитический компонент в обзоре отсутствует. Вероятно, это связано с исключительно прикладным назначением анализируемых книг и отсутствием у них литературной значимости. Это приводит к трансформации рецензии в жанр аннотации. Многие исследователи отмечают, что этот процесс

характерен для жанра современной рецензии. Однако в выборке этого исследования такая трансформированная рекламная рецензия встретилась только один раз.

В целом, в сфере интересов рецензента В. Ерофеевой находятся книги для детей (за выбранный период опубликовано 10 рецензий на детскую литературу за ее авторством, рецензий на этот тип литературы, написанных другими авторами, в данный период не публиковалось). Информативной представляется рецензия «Кристине Нестлингер. Новые рассказы про Франца и школу». С одной стороны, автор говорит о К. Нестлингер как об *«одной из самых известных, переводимых и титулованных детских писательниц»*, с другой стороны, отмечает, что ее *«откровенность производит ошеломляющий эффект»* и *«что-то помешало ей повзреть»*. Последний тезис подкрепляется аргументами из текста, которые подтверждают бестактность или непосредственность писательницы – читатель сам выбирает, как к этому относиться, рецензент не выражает своей прямой оценки. Однако такие слова, как *«индугировала»* неидеальное родительское поведение, *«не научилась додумывать, досочинять, опускать нескладное»*, и несмелое финальное *«лучше уж так, чем цирлих-манирлих»*, указывает нам на положительное отношение автора к прямоте К. Нестлингер. Слово *«цирлих-манирлих»*, взятое из текста книги и имеющее значение *«когда люди не желают смотреть правде в глаза»*, используется в рецензии для обозначения показной, неискренней модели поведения, и является специфическим способом выражения авторской оценки. Такой же прием заимствования слова из текста встречается в рецензии «Удушье» А. Рябчиковой (используется слово *«псюхэ»* как синоним слова «духовность») и в рецензии Н. Сергеевой «Повелительница мух» (*«икарова железа»* как символ способности любить).

Заголовки, связывающие литературные произведения с другими сферами искусства, использует А. Пудов: *«Con fuoco»* – музыкальный термин, означающий «с огнем», *«Хочу в тюрьму»* – название популярной

киноленты. Такие заголовки актуализируют литературные произведения в культурном дискурсе, выражают оценку автора через сравнение с элементами искусства. В целом, А. Пудов прибегает в своих рецензиях к использованию широкого многообразия средств выражения оценки. В его текстах встречаются словообразовательные приемы: «*скучновато-сентиментальная поэзия*», «*стилистика романа — размашистая, карнавальная, грубоватая*» («Соп фиосо»), слова с оценочным значением: «*Традиционная история любви нежной недотроги и удалого донжуана-шалопая*» («Соп фиосо»), эпитеты: «*желчное, въедливое, жесткое перо Матейя Вишнека*» («Хочу в тюрьму»), метафоры: «*главного героя романа побеждает Левиафан несвободы*» («Хочу в тюрьму»), антитезы: «*лихой, но неглубокий сюжет*» («Соп фиосо»), «*легко создать рассказ, но выбор романной формы был бы существенным риском*» («Хочу в тюрьму»).

Специфическим средством выражения оценки является интертекстуальность, помещение рецензируемой книги в контекст: так, в рецензии «Соп фиосо» непосредственно анализ книги предваряет рассуждение автора о латиноамериканской литературе, в рецензии «Хочу в тюрьму» несколько первых абзацев посвящены абсурдистской литературе в целом и месту в ней писателя в частности. Этот прием демонстрирует стремление рецензента мотивировать свою оценку, обозначив место произведения в литературном процессе.

Д. Облинова также использует широкий набор речевых средств проявления оценочности, которые к тому же характеризуются высокой эмоциональностью. Это отмечается в заголовках-высказываниях: «*Добро пожаловать в преисподнюю*», «*Непечатное слово*», «*Поворот не туда*».

Помимо заголовков, оценка проявляется многими способами внутри рецензий: «*Обилие голых фактов так и просит иллюстраций*» («Добро пожаловать в преисподнюю»), «*Машинке не хватает букв, герою — любящего человека рядом, а писателю Марату Басырову хватило всего* (антитеза), *чтобы создать книгу, которую хоть*

и неловко читать, например в метро, но очень хочется (антитеза, интенсифицированная оценка, модальный глагол)» («Непечатное слово»). В том числе, различными средствами выражается отрицательная оценка: *«в последнее время армия “гришкофилов” (окказионализм) заметно приуныла* (глагол с оценочным значением)», *«тол и имеющий слабую память, тол и неуверенный в умственных способностях читателей, Гришковец»* («Поворот не туда»). Для того чтобы читатель разделил мнение рецензента, Д. Облинова прибегает к вопросно-ответным конструкциям: *«Каким словом можно объединить все это? Ужас»* («Добро пожаловать в преисподнюю»). К характерным особенностям автора следует отнести высокую степень оценочности высказываний, стремление заинтересовать читателя и привлечь его на свою сторону.

Иначе выстраивает работу со средствами выражения оценки Д. Бреслер. Одна из работ – «Абрам Рейтблат. Писать поперек» – представляет собой не публицистическую, а профессионально-критическую рецензию на научный литературоведческий текст. Оценочный компонент крайне мал, встречается только в финальной фразе: *«Теплый вдохновенный тон, более привычный для мемуаров, редко сопутствует научному исследованию. Однако в сочинении Рейтבלата он чувствуется между строк»*. Напротив, рецензия «Александр Попов. Дневник директора школы» представляет собой яркую публицистическую статью: начинается с провокационной цитаты из текста произведения, заканчивается провокационным высказыванием *«Куда только смотрит Гай Германика?!»* Автор рассуждает не только о книге, но и о форме дневника и месте в нем писателя, о системе образования и месте в нем героя, о трагедии в Беслане и месте современной школы. Цитаты, выбранные для подтверждения авторской позиции, тоже провокационны: *«Случай в Северной Осетии отнял 1 сентября, но не доказал необходимость замены ветхой проводки в челябинском лицее. Сколько Освенцимов — столько и Адорно»*. За полемичностью рецензии, однако, просматривается и отношение рецензента

к произведению: *«Суть книги — безжалостная критика разлагающегося общества»*, *«гласность — вот определяющий повествовательный модус данного текста»*. Таким образом, Д. Бреслер на страницах журнала выступает и как литературовед, и как публицист, что позволяет говорить о его качественной подготовке, ориентации в литературном пространстве и в то же время личной позиции и умении ее риторически грамотно отстаивать. В результате такого синтеза появляются качественно новые средства выражения оценки в тексте. Так, для передачи оценочного содержания Д. Бреслер использует термины: *«Формула предмета описания — Девушка — своеобразная катахреза»* («Тиккун. Теория Девушки»), *«эсхатологическим флером оборвется в финале монолог случайного прохожего»* («Микроурбанизм. Город в деталях»). Такие средства рассчитаны на читателя высокого интеллектуального уровня, их способен расшифровать только тот, кто знаком со значением слова или готов обратиться к словарю. Такая прямота разделения аудитории на «свою» и «чужую» свойственна большинству работ Д. Бреслера.

В полной мере профессионализм и творческие способности рецензента проявляется в работе «Политика литературы – поэтика власти» на сборник статей под редакцией Г. Обатнина, Б. Хеллмана и Т. Хуттунена. Здесь не представлены во всем многообразии различные средства выражения оценки, однако автор в ней выражается через формат: жанр можно определить как «математическая рецензия». Автор берет из заголовка равенство отношений поэтики к литературе и политики к власти, получает равенство *«Политика * Литература = Поэтика * Власть»*. Из этого равенства он поочередно определяет каждый из компонентов (так, *Политика = (Поэтика*Власть)/Литература*, и т.п.), полученную формулу применяет к одной или нескольким статьям из сборника, получает, таким образом, определение выбранного компонента. Выбрана такая форма, поскольку, по мнению автора, *«чтение насквозь “Политики литературы...” не даст окончательного ответа на вопрос, как читать художественный текст,*

размышляя про себя о политике». Даже в последнем абзаце не встречается оценочного резюме, однако на синтезе математики и языка рождается свой тип оценки, логически аргументированной и четко структурированной, основанной на формуле.

Этически неясным остается вопрос правомерности перевода субъективных оценок в разряд объективных величин, однако однозначно такой подход к выражению оценки в рецензии представляется крайне интересным. Для более консервативных читателей, не готовых видеть в литературной рецензии формулы, Д. Бреслер одновременно публикует рецензию «Политика поэтики» на одноименную книгу В. Вьюгина. Однако и эта рецензия обладает рядом специфических свойств. Автор начинает с того, что рассказывает, какие компоненты должны входить в рецензию и как, в зависимости от большей или меньшей степени выраженности этих компонентов, меняется сама рецензия. И, хоть рецензент определяет свой текст как *«пространное эссе, выражающее некоторые личные эмоции по горячим следам, сразу после прочтения»*, в виду крайне малого проявления оценки, рецензия представляется скорее не публицистической, а профессионально-критической, как и первая из рассмотренных нами рецензий этого автора. Диалогичность текста проявляется только в одной фразе: *«Наше прочтение книги — не самое очевидное. Это далеко не пересказ содержания работы, достойной куда более внимательного и основательного изучения»*. Кроме того, рецензия изобилует научными терминами, которые не актуализуются в тексте (*«качественные категории текста»*, *«словарное значение»* и т.д.)

Еще один рецензент журнала – упомянутая ранее Ксения Букша. В поле нашего зрения попали 15 рецензий за ее авторством. Из них одна – «Половине человечества» на сборник «Двадцать один разговор и одно дружеское послание Д. Пригова» – по жанру является скорее эссе о личности писателя (сборнику посвящен только один абзац), даже не литературным портретом (Д. Пригов в тексте предстает не как литератор, а как деятель

различных сфер культуры). В связи с этим представляется неверным помещение работы в рубрику «Рецензии», несмотря на то, что эссе приурочено к выходу переиздания заявленной книги.

В большинстве рецензий К. Букша отмечается закольцованность композиции, главная мысль, выдвинутая в заголовке или в первом абзаце текста, подтверждается финальной фразой. Так, в рецензии на книгу Д. Бавильского «До востребования. Беседы с современными композиторами» «Искусство слушателя», заголовок отражает основную мысль автора: *«искусство слушания — первое дело для писателя нашего времени. И читать эти интервью приятно уже потому, что вопрошающий умеет слушать и чувствовать не только музыку, но и слова — интонации, эмоции, иронию, печаль»*. На протяжении всей рецензии оценка автора дополняется новыми подробностями: в книге *«много полезного»*, писатель *«не остается в роли профана, он слушает, развивается, изучает контексты, делает выводы. Поэтому разговор и получается интересный»*, свой тезис автор аргументирует двумя факторами: во-первых, читатели мало знают о современном состоянии музыкальной среды, а *«сделавший этот шаг будет вознагражден новыми наслаждениями»*, во-вторых, композиторы как слушатели обладают интересным восприятием музыки. В конце К. Букша возвращается к своему высказыванию о необходимости владения искусством слушания и подытоживает фразой *«Большое спасибо»* в адрес автора, что, на наш взгляд, является ярчайшим проявлением положительной оценки. Такую же структуру «тезис – аргументация с помощью текста произведения, пересказа и оценки – утверждение тезиса» можно увидеть в рецензиях «Война – бессмысленное дело» и «Все, кто его любит».

Рецензия «Королевский блюз» на книгу К. Крахта «Карта мира» отличается и по форме, и по оценочной составляющей. Заголовок уже не отражает главной мысли, а раскрывается в конце: в сборнике эссе о путешествиях автора последнее эссе называется «Королевская грусть», *«но это опять недомолвки, — нет, это не просто грусть, это блюз,*

страсть, жаркий ветер какой-то». Здесь нет ни тезиса, ни однозначной оценки понравилось/не понравилось, но есть мнение: *«читать стоит: интересно, что скажете вы*». Автор признается: *«правду сказать, очень странная получилась книга*», и объясняет это странной личностью автора, описанию биографии которого посвящена большая часть работы. Неоднократно в рецензии возникает «привкус бреда, безумия», что можно считать лейтмотивом текста.

Особое внимание К. Букша уделяет синтаксису. Использует прием антитезы: *«Роскошь — бесцельна; комфорт — практичен; роскошь — безумна; комфорт — разумен, роскошь — трата энергии, комфорт ее экономит»* («Философи шоколадной ванны»); риторические вопросы: *«Каким образом творится поэзия, как это устроено?»* («Всем, кто его любит»), *«Как, зачем, какие злые силы оставили целый народ в состоянии такой дичайшей изоляции?!»* («Нечему завидовать»); восклицательные предложения: *«говорят — единицы, а сколько пережили то же самое молча!»* («Война – бессмысленное дело»), *«А так — самая настоящая суперспособность!»* («Волшебные яблоки»). Таким образом, К. Букша предстает на страницах журнала опытным критиком, профессионально доказывающим свою точку зрения, использующим не только стандартные средства проявления категории оценочности в тексте, но и композиционные и синтаксические приемы.

Анализ индивидуально-авторских особенностей средств выражения оценки в жанре рецензии позволил определить, что для всех авторов характерно выражение оценки многими способами и средствами.

Таким образом, нами установлено, что оценка в жанре рецензии определяется особенностями дискурса, который влияет на речевую форму текста, его аксиологическое наполнение, текстообразующие категории, запрограммированные в речевой концепции издания. Следовательно, культурно-просветительский дискурс предопределяет речевой облик журнала, но не подавляет индивидуально-авторских особенностей. Можно

сказать, что дискурсивная система влияет на сохранение и развитие жанра рецензии, тогда как индивидуально-авторские средства выражения оценки способствуют стилистическому обогащению публикуемых в издании текстов.

Материал данной главы позволяет утверждать, что ценностное содержание литературной рецензии выражается по двум направлениям: через концептосферу текста и через средства выражения оценки. Были выявлены основные концепты анализируемых текстов, традиционные для русской ментальности, но переосмысленные с позиций личного опыта рецензента. Ценностная актуализация концептов, их направленность на выражение авторского отношения к содержанию позволила отнести выявленные концепты к аксиологемам. При анализе средств презентации концептов в текстах рецензии было обнаружено их предельное разнообразие.

И индивидуально-авторские, и дискурсивные оценки направлены на трансляцию авторского отношения к рецензируемому произведению, выражают ценностные установки и направленность рецензирования.

Заключение

В работе исследованы факторы, определяющие формирование ценностного содержания современного журналистского культурно-просветительского дискурса.

С нашей точки зрения, этот дискурс характеризуется следующими функциональными признаками: ориентированностью на формирование сознания гармонически развитой личности; наличием определенного типа агента (автора публикации) и клиента (массовая аудитория), жанровыми предпочтениями. Современный культурно-просветительский дискурс включает культурно-просветительские СМИ и некоторые периодические арт-издания. Арт-журналистика, как было выявлено в работе, направлена на получение коммерческой выгоды. В журналистском арт-дискурсе искусство предстает в роли товара, идейно-ценностное содержание отходит на второй план или игнорируется.

В силу данных обстоятельств более информативными для нашего исследования оказались культурно-просветительские издания, нацеленные на ориентирование общества, массовой аудитории в духовных богатствах, накопленных национальной культурой, и передачу оперативного знания об их приросте и возможностях применения.

Культурно-просветительская журналистика институционально напрямую связана с ценностными установками, смыслами, и в данной работе был выбран самый традиционный, с исторической точки зрения, тип культурно-просветительских публикаций – литературная критика.

Были выявлены функции и проанализированы существующие типологии литературной критики, обозначены современные тенденции ее развития. Основное внимание было уделено популярному сегодня литературно-критическому сетевому изданию - журналу «Прочтение». Издание знакомит читателей с литературными новинками, содержит значительный раздел литературной критики и хроники литературных новостей, уделяет внимание другим видам искусства (в частности, кино).

Особенностью его является зацикленность на культурном пространстве и абстрагированность от политической и экономической ситуации. Был отмечен профессионализм авторского коллектива, высокий уровень диалогичности и иные речевые характеристики совокупного журнального текста, которые позволили нам говорить о новом типе литературно-художественного журнала, сосредоточенном преимущественно на литературном процессе.

Аксиологическое содержание дискурса, формируемого качественными литературно-критическими изданиями, отображает представление субъекта речи о том, каким должен быть оцениваемый объект и том, каким он является сейчас. Был выявлен дискурсивный характер презентации ценностей, их прямая зависимость от дискурса, дискурсивная адаптивность.

Было определено, что в жанре литературной рецензии ценностное содержание проявляется на экстралингвистическом уровне через выбор рецензируемого произведения, на текстовом – через систему средств, направленных на речевое выражение ценностных смыслов. Эти средства делятся на когнитивно-коммуникативные (концептосферу дискурса) и коммуникативные (речевые средства выражения оценки).

Исследование лексико-семантических полей позволило нам сформировать представление о концептосфере жанра современной литературной рецензии и сделать вывод о специфике речевого выражения ценностного содержания журналистской литературной рецензии. Эта специфика ярче всего проявляется в оригинальном наборе речевых средств, с помощью которых рецензент доносит до аудитории ценностное содержание концепта.

Выделенное нами положение о том, что концепты, транслируемые в исследованных текстах, соотносятся с ценностями, позволяет нам назвать эти концепты аксиологемами – ценностно актуализированными концептами.

Разработанная и апробированная нами методика анализа проявления оценки в тексте рецензии позволила сделать вывод о существовании дискурсивных и индивидуально-авторских средств выражения оценки. Было

установлено, что оценка в жанре рецензии определяется особенностями дискурса. Он влияет на форму текста, его аксиологическое наполнение, текстообразующие категории. Дискурсивная система оценочных средств формирует речевую концепцию издания, но не подавляет индивидуально-авторских особенностей. Можно сказать, что дискурсивная система влияет на сохранение жанра рецензии, тогда как индивидуально-авторские средства выражения оценки способствуют его развитию.

Систематизировав средства, с помощью которых транслируется ценностное содержание дискурса, мы обнаружили их тесную взаимосвязь. Концепты актуализируются с помощью выражения в тексте оценки, средства выражения оценки связаны со смысловым наполнением концептосферы. И те, и другие определяются дискурсом. Можно сказать, что дискурс является доминантным фактором формирования ценностного содержания. В то же время, индивидуальные особенности участников коммуникации ведут к модернизации, развитию дискурса, включая в него актуальные создаваемые в обществе ценности. Это положение ведет к пониманию функционирования текстов в дискурсе: сам дискурс, как форма, универсален, но ценности, существующие внутри него, разнообразны, как разнообразны картины мира авторов текстов. Для культурно-просветительского дискурса это становится особенно важным, ведь данный тип дискурса является наиболее ценностноориентированным. Соответственно, речевой облик культурно-просветительских текстов определяется их ценностным содержанием.

Полученные результаты позволяют корректировать существующую систему подготовки профессионалов речи, ориентированную ныне на освоение универсальных текстопорождающих алгоритмов, т. к. свидетельствуют о дискурсивности речевой формы жанра, с одной стороны, и от прямой ее зависимости от уровня профессиональной речевой компетенции журналиста, с другой.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М, 1997.
3. Барт Р. Критика и истина // Барт Р. Избранные работы. М., 1989.
4. Башкатова А. Г. Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры. Автореф. дисс. канд. филол. н. М., 2013.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
6. Б о л ь ш а я   с о в е т с к а я   э н ц и к л о п е д и я . URL:
<https://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=bse&title=Литературоведение>. Дата обращения: 10.01.2015.
7. Борев Ю. Б. Эстетика. М., 2002.
8. Бормотов И. П. Обоснование формирования механизма ценностей современной российской молодежи // Известия Тульского государственного университета. 2013, №1. С.9-13.
9. Бочаров А. Г. Вопросы литературы и искусства в газете. М., 1979.
10. Введение в литературоведение. Под ред. Г. Н. Поспелова. М., 1988.
11. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
12. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
13. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
14. Воскресенская М. А. Просветительство и расширение кругозора // Журналистика сферы досуга. Под ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. СПб, 2012. С. 79.
15. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб, 1996.
16. Гаранина Э. Ю. Оценочность в жанре кинорецензии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013, №2. С. 28-31.
17. Гуревич П. С., Палеева Н. Н. Философия культуры. М., 2014.
18. Гурочкина А. Г. Понятие дискурса в современном языкознании // Номинация и дискурс. Под ред. Л. А. Манерко. Рязань, 1999. С. 12-15.
19. Гусейнова Т. С. Определение содержания дискурса // Вестник Челябинского государственного университета 2010, №13. Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 26-33
20. Джен И. Литературная интернет-революция. URL:
<http://lib.rin.ru/doc/i/189511p2.html>. Дата обращения: 13.01.2015.

21. Дускаева Л. Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе // Вестник Пермского университета. 2014, №4. С. 206-213
22. Егоров Б. Ф. Мастерство литературной критики. URL: <http://www.rl-critic.ru/histeo/egorov1.html>. Дата обращения: 11.01.2015.
23. Ермолин Е. Критик в Сети // Русский журнал. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/3/erm.html>. Дата обращения: 12.01.2015.
24. Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981.
25. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. СПб, 2006.
26. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М., 2005.
27. Ивин А. А. Аксиология. М., 2006.
28. История русской литературной критики. Под ред. В. В. Прозорова. М., 2002.
29. Казабеева В.А. О содержании понятия «лингвокультурный концепт» в современной лингвистике // Концепт и культура: Мат-лы III Международной научной конференции. Кемерово, 2008. С. 261-266.
30. Казыдуб Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009, №2. С. 132-137.
31. Карамова А. А. Категория оценки в современном русском языке. Уфа, 2003.
32. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
33. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.
34. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.
35. Кондаков И. По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России XX–XXI вв.) // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 5-44.
36. Коняева Ю. М. Работа журналиста над текстом периодического издания // Журналистика сферы досуга. Под ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. СПб, 2012. С. 162.
37. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М, 2009.
38. Кочеров С. Н. «Аксиологема» как проблема теории ценностей // Теоретический журнал Credo New. URL: <http://credonew.ru/content/view/1069/65/> Дата обращения: 11.03.2016.

39. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
40. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. М., 2012.
41. Латынина А. Колокольный звон – не молитва // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1989. №2. С. 206-233.
42. Литературная критика. Ее предмет и задачи. Под ред. Н. В. Володиной. Череповец, 1997г. URL: <http://www.rl-critic.ru/kurs/posobiye.html>. Дата обращения: 10.01.2015
43. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
44. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 280-287.
45. Миллер Л. В. Оценка в концептосфере художественной картины мира русской литературы // Язык и ментальность. Текст и концепт: Вып. 1. Под ред. В. В. Колесова. СПб, 2004. С. 16-28.
46. Москович В. А. Три метода обнаружения лексико-семантических связей слов // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: М., 1971. С. 35-38.
47. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009.
48. Недзвецкий В. А. Русская литературная критика XVIII–XIX вв. М., 2008.
49. Николаева Л. С., Чумакова Т. Н. Сущность и основные характеристики понятий «ценность» и «ценностные ориентации»: теория вопроса // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2014, №4. С. 68-78.
50. Николаева Л. С. Социально-философский анализ трансформации ценностных ориентаций личности студента // Research Journal of International Studies. Екатеринбург, 2014. №2. С. 102-104.
51. Новейший философский словарь. Минск, 1999. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/55/АКСИОЛОГИЯ. Дата обращения: 26.09.2015.

52. Новиков В. И. Жанр литературной рецензии в современной отечественной прессе // Медиаскоп. 2012, №2.
53. Оценка // Большой Энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/224578/%D0%A6%D0%95%D0%9D%D0%9A%D0%90>. Дата обращения: 16.03.2016.
54. Петрова Т. Критика-лайт // Октябрь. 2011. № 1. С. 157-159.
55. Плотников В. И. Оценка // Современный философский словарь. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск. 1998.
56. Полевые структуры в системе языка / Под ред. З.Д. Поповой. Воронеж, 1989.
57. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.
58. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М., 2003. С. 79-83.
59. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. URL: http://royallib.com/read/prohorov_yuriy/deystvitelnost_tekst_diskurs.html#40960 Дата обращения: 18.03.2016.
60. Прочтение (журнал о книгах) // Wikimedia Foundation. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1109084>. Дата обращения: 13.01.2015.
61. Прочтение // InJournal.ru URL: <http://injournal.ru/journal/prochtenie.html>. Дата обращения: 13.01.2015.
62. Прочтение. URL: <http://prochtenie.ru/node/18346>. Дата обращения: 10.05.2015.
63. Рахимова Р.М. Ценностные ориентации молодежи Юго-востока Татарстана // Регионология. Саранск. 2002, №2. С. 241-250.
64. Розанов В. В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989.
65. Романин А. Н. Практическая психология и психотерапия. Учебник. М., 2013
66. Седельникова О. В. К определению типа дискурсивной организации русской журнальной периодики середины XIXв. // Вестник Томского государственного университета. Язык и культура. 2012, №1. С. 36-42.

67. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12-53
68. Сидоров В. А. Аксиология журналистики. СПб, 2016.
69. Сидякина А. Художественно-просветительские периодические издания / Журналистика сферы досуга. Уч. пособие. Под общей редакцией Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб, 2012. С.123-131.
70. Скворцова Т. Г. К определению понятия дискурс // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: материалы VI Общенаучной российской конференции. СПб, 2000. С. 26-33
71. С п и р к и н А . Г . Ф и л о с о ф и я . URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Spirk/index.php. Дата обращения: 16.03.2016.
72. Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
73. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
74. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35-73.
75. Талыбова А. Н. Литературная критика как средство продвижения художественной культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Севастополь. 2014, №3. С. 450-455.
76. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. URL: http://evartist.narod.ru/text2/05.htm#з_11 Дата обращения: 22.03.2015.
77. Тишков А. А. Писатель – читатель – критик в интернете // Известия Саратовского университета. 2012, №12. С. 99-106.
78. Токарев Г. В. К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филол. науки. 2003. № 3. С. 56–60.
79. Уистен Оден. Чтение. Письмо. Эссе о литературе. М., 1998.
80. Философия: Энциклопедический словарь. Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ЦЕННОСТЬ. Дата обращения: 26.09.2015.
81. Философский словарь. М, 2003.
82. Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999.

83. Ховалыг Д. В. Трансформация ценностных ориентаций российского общества в средствах массовой информации. Автореф. дисс. к. полит. н. URL: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/transformacija-cennostnyh-orientacij-rossijskogo-obwestva-v-sredstvah-massovoj.html>. Дата обращения: 12.02.2016.
84. Хочунская Л. В. Медийные «лидеры мнений» как выражение ценностей аудитории // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации / сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2012. С. 14-15.
85. Цветова Н. Культпросвет и / или культторг? // Петербургский публицист. URL: <http://spbspeaks.ru/2015/11/19/наталья-цветова-культурпросвет-или-ку/> Дата обращения: 28.04.2016.
86. Цветова Н. С. Современная российская арт-журналистика: интенционально-стилистическая характеристика. // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи: монография; под ред. Л. Н. Михеевой. Иваново, 2014. С. 146-157.
87. Цветова Н.С. Дискурс искусства в современной российской журналистике // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Вып. 1. 2012. С. 231-238.
88. Чанцев А. Фабрика антиутопий: дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое литературное обозрение. 2007. № 86 . URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16-pr.html>. Дата обращения: 12.01.2015.
89. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований. // Текст и дискурс. СПб., 2001. С. 11-22.
90. Шакиров С. М. Трансформации дискурса литературной критики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №2. С. 162-168.
91. Lois Tyson. Critical theory today. NY, 2006.
92. Planeta.ru. URL: <http://planeta.ru/campaigns/9183>. Дата обращения: 10.05.2015.

Рецензии, опубликованные в онлайн-журнале «Прочтение»:

93. Березкина Ю. В пику традициям. Дата публикации: 10.04.2014. [URL: http://prochtenie.ru/reviews/27553](http://prochtenie.ru/reviews/27553)
94. Бреслер Д. Абрам Рейтблат. Писать поперек. Дата публикации: 02.04.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27535>
95. Бреслер Д. Александр Попов. Дневник директора школы. Дата публикации: 16.04.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27565>
96. Бреслер Д. Микроурбанизм. Город в деталях. Дата публикации: 11.07.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27728>
97. Бреслер Д. Политика литературы – поэтика власти. Дата публикации: 20.05.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27624>
98. Бреслер Д. Политика поэтики. Дата публикации: 29.05.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27641>
99. Бреслер Д. Тиккун. Теория Девушки. Дата публикации: 31.07.2014 URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27758>
100. Бреслер Д. Фото на фоне памятника. Дата публикации: 20.10.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27884>
101. Букша К. Война – бессмысленное дело. Дата публикации: 14.05.2014. URL: <http://www.prochtenie.ru/reviews/27614>
102. Букша К. Волшебные яблоки. Дата публикации: 18.08.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27784>
103. Букша К. Всем, кто его любит. Дата публикации: 28.05.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27639>
104. Букша К. Западно-восточный диван. Дата публикации: 24.11.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27938>
105. Букша К. Искусство слушателя. Дата публикации: 14.04.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27556>
106. Букша К. Королевский блюз. Дата публикации: 28.04.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27592>
107. Букша К. Нечему завидовать. Дата публикации: 16.10.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27881>
108. Букша К. О нейромедиаторах – шутя. Дата публикации: 4.08.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27765>
109. Букша К. Объясните, как все было. Дата публикации: 17.07.2014. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/27739>

110. Букша К. Половине человечества. Дата публикации: 17.06.2014.
URL: <http://prochтение.ru/reviews/27681>
111. Букша К. Сосуд греха, источник наслаждений. Дата публикации:
01.07.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27704>
112. Букша К. Срываю маски. Дата публикации: 12.12.2014. URL:
<http://prochтение.ru/reviews/27980>
113. Букша К. Стильный оранжевый галстук. Дата публикации:
26.09.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27853>
114. Букша К. Так называемая реальность. Дата публикации:
31.10.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27901>
115. Букша К. Философия шоколадной ванны. Дата публикации:
02.09.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27805>
116. Бутина А. (У)дар судьбы. Дата публикации: 15.06.2014. URL:
<http://prochтение.ru/reviews/27676>
117. Бутина А. Ба! Дата публикации: 03.09.2014. URL:
<http://prochтение.ru/reviews/27811>
118. Бутина А. Вариации на тему жирафов и слонов. Дата публикации:
28.03.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27522>
119. Бутина А. История одной болезни. Дата публикации: 23.09.2014.
URL: <http://prochтение.ru/reviews/27843>
120. Бутина А. Ода соловью. Дата публикации: 21.02.2014. URL:
<http://prochтение.ru/reviews/27454>
121. Бутина А. Основано на реальных событиях. Дата публикации:
31.07.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27760>
122. Бутина А. Призрачно все. Дата публикации: 17.12.2014. URL:
<http://prochтение.ru/reviews/27988>
123. Бутина А. Скороговоры за жизнь. Дата публикации: 13.08.2014.
URL: <http://prochтение.ru/reviews/27777>
124. Бутина А. Советско-русский разговорник. Дата публикации:
13.01.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27352>
125. Бутина А. Тик-так-бумм! Дата публикации: 23.10.2014. URL:
<http://prochтение.ru/reviews/27889>
126. Бутина А. Том о Джерри. Дата публикации: 09.02.2014. URL:
<http://prochтение.ru/reviews/27433>

127. Бутина А. Тропы. Дата публикации: 26.08.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27795>
128. Бутина А., Рябчикова А. Удар в ребро. Дата публикации: 22.05.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27627>
129. Васильева Е. Беги, Гоголь, беги! Дата публикации: 22.07.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27749>
130. Васильева Е. Будь женщиной, доченька. Дата публикации: 07.10.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27866>
131. Васильева Е. Лучше вы к нам. Дата публикации: 01.05.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27600>
132. Васильева Е. Мастер на все времена. Дата публикации: 24.09.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27848>
133. Васильева Е. Мелодия прошлого лета. Дата публикации: 10.09.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27820>
134. Васильева Е. Нелинейное чтение. Дата публикации: 01.09.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27803>
135. Васильева Е. Нельзя сказать короче. Дата публикации: 05.11.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27909>
136. Васильева Е. Отчаявшаяся домохозяйка. Дата публикации: 19.08.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27785>
137. Васильева Е. Сказка о потерянном времени. Дата публикации: 25.11.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27942>
138. Васильева Е. Эксгумация души. Дата публикации: 02.07.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27706>
139. Васильева Е. Звездная болезнь. Дата публикации: 06.06.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27659>
140. Даздорова Е. Без суда и следствия. Дата публикации: 17.11.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27925>
141. Друговейко К. Кино прямого действия. Дата публикации: 11.08.2014 URL: <http://prochтение.ru/reviews/27774>
142. Ермакова П. Только Венеция. Только по памяти. Дата публикации: 05.06.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27655>
143. Ерофеева В. Winter is coming, или Чем занять детей в новогодние каникулы. Дата публикации: 29.12.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/28002>

144. Ерофеева В. Большой собачий секрет. Дата публикации: 27.10.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27893>
145. Ерофеева В. Красивое и гнется. Дата публикации: 15.08.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27781>
146. Ерофеева В. Кристине Нестлингер. Новые рассказы про Франца и школу. Дата публикации: 03.03.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27475>
147. Ерофеева В. На золотом крыльце сидели... Дата публикации: 04.04.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27537>
148. Ерофеева В. Наука лихих барабанщиков. Дата публикации: 30.09.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27856>
149. Ерофеева В. Пять детских книг, за которыми стоило прийти на ярмарку Non/Fiction. Дата публикации: 02.12.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27956>
150. Ерофеева В. Сердца, пронзенные стрелой. Дата публикации: 09.05.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27607>
151. Ерофеева В. Тонино-невидимка. Дата публикации: 17.01.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27367>
152. Ерофеева В. Цветы жизни. Дата публикации: 03.02.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27415>
153. Житинская А. Долгота съемочных дней. Дата публикации: 20.03.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27508>
154. Клейменова Е. Двадцать с лишним лет под водой. Дата публикации: 23.04.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27581>
155. Клейменова Е. Несчастны по-своему. Дата публикации: 03.07.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27711>
156. Клейменова Е. Охота на свободу. Дата публикации: 15.09.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27829>
157. Клейменова Е. Совсем другие люди. Дата публикации: 23.03.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27514>
158. Клейменова Е. Тот, чье имя нельзя называть. Дата публикации: 07.08.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27771>
159. Королев Е. Люди и людоеды. Дата публикации: 14.11.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27923>

160. Облинова Д. Добро пожаловать в преисподнюю. Дата публикации: 25.09.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27849>
161. Облинова Д. Непечатное слово. Дата публикации: 23.07.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27750>
162. Облинова Д. Поворот не туда. 20.06.2014. Дата публикации: URL: <http://prochтение.ru/reviews/27686>
163. Пудов А. Сон fuoco. Дата публикации: 04.06.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27651>
164. Пудов А. Хочу в тюрьму. Дата публикации: 23.06.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27690>
165. Рябчикова А. Извлечение камня глупости. Дата публикации: 20.08.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27787>
166. Рябчикова А. На птичьем языке. Дата публикации: 30.07.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27755>
167. Рябчикова А. Народ и воля. Дата публикации: 14.03.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27498>
168. Рябчикова А. Отечественные записки. Дата публикации: 17.12.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27989>
169. Рябчикова А. Порох для огня. Дата публикации: 11.02.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27436>
170. Рябчикова А. Удушье. Дата публикации: 28.01.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27397>
171. Рябчикова А. Хор оглашенных. Дата публикации: 31.03.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27527>
172. Сергеева Н. В пустыне чахлой и скупой. Дата публикации: 24.06.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27693>
173. Сергеева Н. Галерея забытых портретов. Дата публикации: 10.11.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27917>
174. Сергеева Н. Дорогу идущим. Дата публикации: 02.06.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27647>
175. Сергеева Н. Закон сохранения горя. Дата публикации: 21.08.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27790>
176. Сергеева Н. Очарование сослагательного наклонения. Дата публикации: 14.10.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27876>

177. Сергеева Н. Повелительница мух. Дата публикации: 13.05.2014.
URL: <http://prochтение.ru/reviews/27610>
178. Сергеева Н. Под кайфом и в смятении. Дата публикации:
30.12.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/28005>
179. Сергеева Н. Русская сага о былом. Дата публикации: 29.09.2014.
URL: <http://prochтение.ru/reviews/27854>
180. Сергеева Н. Сквозь кровь и пыль. Дата публикации: 21.07.2014.
URL: <http://prochтение.ru/reviews/27747>
181. Шипнигов И. Обитель особого назначения. Дата публикации:
15.04.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27562>
182. Шипнигов И. Письма несчастья, или Инструкция по прочтению
романа. Дата публикации: 06.02.2014. URL:
<http://prochтение.ru/reviews/27425>
183. Шипнигов И. Родной космополит. Дата публикации: 16.05.2014.
URL: <http://prochтение.ru/reviews/27617>
184. Шипнигов И. С пушкинской легкостью. Дата публикации:
10.06.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27669>
185. Шипнигов И. Только детские книги писать. Дата публикации:
12.09.2014. URL: <http://prochтение.ru/reviews/27826>